

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

**УСЛОВИЯ И ПРЕДЕЛЫ ПРАВОМЕРНОСТИ
НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И
ПРАКТИКИ**

Учебное пособие

Москва
2018

ББК 67.410.2

Б82

Рецензенты:

*ведущий сотрудник второго отдела НИЦ № 3
ФГКУ «ВНИИ МВД России», кандидат юридических наук,
подполковник полиции **Н. Н. Дьяченко**; заместитель начальника
МУ МВД России «Мытищинское» – начальник полиции,
полковник полиции **С. А. Сабатов***

Коллектив авторов:

С. В. Борисов, М. М. Дайшутов, А. П. Дмитренко, Е. А. Русскевич

***Условия и пределы правомерности необходимой обороны:
проблемы теории и практики : учебное пособие /***

Б82 *С. В. Борисов, М. М. Дайшутов, А. П. Дмитренко, Е. А. Русскевич. – М. :
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
2018. – 89 с.*

ISBN 978-5-9694-0613-1

Издание посвящено исследованию уголовно-правовых аспектов реализации института необходимой обороны. В пособии анализируется действующее законодательство, теоретические разработки и правоприменительная практика по делам о применении ст. 37 УК РФ.

Учебное пособие предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей, сотрудников правоохранительных органов, практикующих юристов, а также для всех, кто интересуется проблемами соответствующей тематики.

ББК 67.410.2

ISBN 978-5-9694-0613-1

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018
© Борисов С. В., 2018
© Дайшутов М. М., 2018
© Дмитренко А. П., 2018
© Русскевич Е. А., 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
§ 1. УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЕЕ ОСНОВАНИЯ	6
§ 2. ПРЕДЕЛЫ ПРАВОМЕРНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ	20
§ 3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ МНИМОЙ ОБОРОНЫ.....	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	81
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	84

ВВЕДЕНИЕ

В теории уголовного права России обсуждение вопроса об эффективности действия уголовно-правовых норм о необходимой обороне носит перманентный характер. Подобное пристальное внимание вполне оправданно, поскольку необходимая оборона является наиболее распространенным на практике обстоятельством, исключающим преступность деяния.

Уголовное законодательство, и этому следует отдать должное, последовательно идет по пути расширения прав обороняющегося. Так, существенные изменения претерпела ст. 37 УК РФ в связи с принятием Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 29-ФЗ «О внесении изменений в ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации». Тем самым произошел отказ от возможности превышения пределов необходимой обороны при защите от посягательств, сопряженных с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ст. 37 УК РФ была дополнена ч. 2¹, предусматривающей следующее положение: «Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения». Несомненным достоинством института необходимой обороны в такой редакции явился акцент на особенности субъективного отношения обороняющегося к имевшему место посягательству, которое не всегда может соответствовать действительности, но в каждом случае должно учитываться при юридической оценке содеянного.

Указанные выше изменения, внесенные в ст. 37 УК РФ, вызванные стремлением законодателя обеспечить реальное осуществление естественного права человека на защиту, предоставили гражданам более широкие возможности для реализации права на необходимую оборону.

Вместе с тем, по справедливому мнению многих ученых, состояние правоприменительной практики по делам о реализации гражданами права на защиту является крайне неудовлетворительным. Отмечается, что в отношении людей, посмевших поднять руку на преступ-

ника, осуществляется уголовное преследование, применяются меры пресечения, выносятся обвинительные приговоры, осуждающие к реальным или условным срокам лишения свободы.

В связи с этим своевременной видится проработка теоретических и практических проблем реализации института необходимой обороны по российскому уголовному законодательству.

§ 1. УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЕЕ ОСНОВАНИЯ

Нормы, предусматривающие необходимую оборону, в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. за время его действия уже трижды подвергались реформированию¹. Практически все изменения направлены на создание дополнительных правовых гарантий защищенности граждан, использовавших право обороны. В частности, вновь после отмены в 1996 г. вернули норму, предусматривающую привилегированный вид необходимой обороны. Ч. 1 ст. 37 УК РФ признает правомерным причинение любого вреда при защите от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Законодательное закрепление получил один из видов мнимой обороны, при которой ответственность за превышение пределов необходимой обороны исключается, если обороняющееся лицо вследствие неожиданности посягательства не могло оценить степень и характер опасности нападения (ч. 2¹ ст. 37 УК РФ). Законодательное закрепление получило требование, в соответствии с которым положения ст. 37 УК РФ в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения (ч. 3 ст. 37 УК РФ). Несомненно, все указанные изменения в целом можно оценить положительно. Вместе с тем обоснованным является замечание Э. Ф. Побегайло, указывающего, что до настоящего времени законодательной трактовке необходимой обороны свойственно большое число оценочных признаков, юридическое значение которых зависит от усмотрения правоприменителя, и многие из которых трактуются весьма неоднозначно².

Абстрактность норм, предусматривающих необходимую оборону, и наличие в них оценочных понятий предопределяет необходимость выработки по возможности четких, объективных и субъективных критериев, конкретизирующих закрепленные в законодательстве признаки.

¹ См.: Федеральные законы: от 14 марта 2002 г. № 29-ФЗ; от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ; от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ.

² См.: Побегайло Э. Ф. Пределы необходимой обороны // Российский ежегодник уголовного права. – СПб., 2007. – № 2. – С. 228.

В теории уголовного права признаки, характеризующие правомерность необходимой обороны, принято группировать по условиям правомерности. Наибольшее распространение в уголовно-правовой литературе получило деление всех условий правомерности необходимой обороны на две группы. К первой группе ученые относят условия, характеризующие посягательство; вторую составляют условия, характеризующие защиту. Однако среди ученых юристов нет единого мнения по поводу количества и качества указанных условий. Так, одни авторы к условиям, характеризующим посягательство, относят: 1) общественную опасность посягательства; 2) наличность посягательства; 3) действительность посягательства. В качестве условий, характеризующих защиту, выделяют следующие: 1) защищать можно личность и права обороняющегося и других лиц, общества и государства; 2) защита должна состоять в причинении вреда посягающему; 3) защита не должна превышать пределов необходимой обороны¹.

Иную систему расположения и рассмотрения условий правомерности необходимой обороны предлагают И. С. Тишкевич и В. Ф. Кириченко. Так, И. С. Тишкевич выделяет условия возникновения права на необходимую оборону и пределы необходимой обороны². В. Ф. Кириченко пишет: «Нам представляется более правильным разделение этих условий на иные две группы, а именно: на условия, относящиеся к возникновению и прекращению права необходимой обороны, и условия, определяющие пределы допустимой защиты»³.

Представляется, что такая позиция является более точной, поскольку она отражает сущность необходимой обороны, которая заключается в правомерной защите против общественно опасного посягательства путем причинения определенного вреда посягающему. Из этого положения следует, что при оценке правомерности обороны необходимо определить: во-первых, признаки, определяющие основания необходимой обороны, и, во-вторых, пределы возможного поведения лица, осуществляющего оборону. Следовательно, все усло-

¹ См.: Якубович М. И. Обстоятельства, исключаящие общественную опасность и противоправность деяния. М., 1979. С. 15–26; Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. – М., 1996. – С. 336.

² Кириченко В. Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. М., 1948. С. 17.

³ Там же. С. 49.

вия правомерности необходимой обороны можно разделить на условия, определяющие основания необходимой обороны, и условия, определяющие пределы допустимой защиты.

Анализ ст. 37 УК РФ позволяет выделить следующие условия правомерности необходимой обороны, составляющие в совокупности ее основания: 1) общественно опасное посягательство; 2) действительность посягательства; 3) вред должен быть причинен только посягающему; 4) допустимость необходимой обороны как интересов обороняющегося, так и интересов третьих лиц общества и государства; 5) допустимость необходимой обороны, независимо от наличия возможности избежать посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. Соответственно, первым условием правомерности, характеризующим основание необходимой обороны, является общественно опасное посягательство.

В доктрине уголовного права обоснована позиция, согласно которой общественная опасность является объективной категорией, имманентно и, более того, субстанционно присущей всем без исключения правонарушениям¹. В связи с этим закономерно возникает вопрос: допустима ли оборона от всех видов правонарушений или только от посягательств на объекты, охраняемые уголовным законом.

В теории уголовного права было высказано две точки зрения. Абсолютное большинство авторов занимают позицию, согласно которой необходимая оборона возможна только от общественно опасных посягательств, которые предусмотрены Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации².

Ряд ученых полагают, что необходимая оборона допустима и против административных правонарушений³. Действительно, доминирующая в науке позиция о том, что административные правонарушения являются общественно опасными, позволяет сделать такой вывод. По сути, это толкование основано на букве закона.

¹ См.: Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория уголовного права. М., 1989. С. 28.

² См., например: Дурманов Н. Д. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. М., 1961. С. 12; Дзентис Я. Судебная практика по делам о необходимой обороне // Советская юстиция. – 1970. – № 4. – С. 5; Козак В. Н. Право граждан на необходимую оборону. Саратов, 1972. С. 47; Попов А. Н. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. СПб., 1998. С. 20 и др.

³ См.: Гельфанд И. А., Куц Н. Т. Необходимая оборона по советскому уголовному праву. Киев, 1962. С. 7–14; Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключаящие преступность деяния. СПб., 2003. С. 56.

Взгляд на эту проблему с позиций конституционного права позволил А. Ф. Истомину утверждать, что институт необходимой обороны по своей социальной и юридической природе не является исключительно институтом только уголовного права¹. По его мнению, с точки зрения правового статуса личности право на необходимую оборону – это неотъемлемое субъективное и притом естественное право любого человека – члена общества².

Таким образом, в социально-естественном аспекте основание права на необходимую оборону базируется на положениях п. 2 ст. 17 гл. 2 Конституции Российской Федерации: «Основные права и свободы неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». В государственно-правовом аспекте необходимая оборона, составляя правовой статус личности, должна быть регламентирована в Основном законе нашего государства – Конституции Российской Федерации. Раскрывать и детализировать это право необходимо в различных отраслях законодательства. В свете этих положений вполне обоснованным выглядит предложение А. Ф. Истомина о закреплении права на необходимую оборону непосредственно в Конституции Российской Федерации³.

Изложенные соображения позволяют признать обоснованной законодательную регламентацию, дифференциацию, детализацию права обороны в различных отраслях законодательства. В гражданском законодательстве право на самозащиту гражданских прав предусмотрено в ст. 14 ГК РФ. До недавнего времени норма о необходимой обороне содержалась и в Кодексе об административных правонарушениях РСФСР (ст. 19). Отсутствие такой нормы в действующем административном законодательстве является его пробелом. Однако представляется, что в случае использования лицом права на необходимую оборону от административных правонарушений должна применяться ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, как имеющая прямое действие.

Вместе с тем отличие необходимой обороны в различных отраслях законодательства заключается в ее основаниях и пределах правомерности. Так, самозащита гражданских прав допускается от деяний,

¹ См.: Истомин А. Ф. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны (уголовно-правовые и криминологические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 61.

² Там же. С. 64.

³ Там же. С. 69.

являющихся гражданско-правовыми деликтами, и исключает гражданскую противоправность акта самозащиты. Административно-правомерным может признаваться только вред, причиненный интересам, охраняемым административным законом при защите от административного правонарушения.

Итак, необходимая оборона приобретает уголовно-правовой характер при наличии двух условий. Во-первых, когда защита осуществляется от общественно опасного деяния, посягающего на отношения, охраняемые уголовным законом. Во-вторых, о необходимой обороне в уголовно-правовом смысле можно говорить только в случаях причинения вреда уголовно-охраняемому объекту. Защита даже от преступных посягательств путем бегства, обращения за помощью к органам власти, т. е. без причинения вреда, не может признаваться необходимой обороной.

Вместе с тем в уголовно-правовой литературе описаны случаи, когда судебно-следственная практика признает необходимой обороной и защиту от административных правонарушений¹. Так, В. И. Ткаченко в качестве примера приводит следующее решение Верховного Суда Российской Федерации. На улице к идущим в театр супругам Д. стал приставать пьяный Г. Супруги перешли на другую сторону дороги. Г. последовал за ними, хватая женщину за руку. Тогда ее муж сильно толкнул Г. в грудь. Последний не удержался на ногах и упал, поломав при этом кисти рук. Верховный Суд Российской Федерации признал, что Д. действовал в состоянии правомерной необходимой обороны против лица, совершившего административный проступок (мелкое хулиганство)².

Однако судебная практика в этом вопросе неоднозначна. Применительно к рассмотренным ситуациям наиболее аргументированной является позиция авторов, которые считают возможной необходимую оборону от указанных посягательств лишь в случаях, когда они стоят на грани с преступным посягательством, грозят немедленно, тотчас же перерасти в последнее и вызывают необходимость в их экстренном пресечении³.

¹ См.: Ткаченко В. И. Необходимая оборона по уголовному праву. М., 1979. С. 25–29.

² См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. М., 1996. С. 305.

³ См.: Побегайло Э. Ф., Ревин В. П. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности органов внутренних дел. М., 1987. С. 13.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О полиции», принятого 28 января 2011 г., сотрудник полиции имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, если несиловые способы не обеспечивают выполнения возложенных на полицию обязанностей «для пресечения преступлений и административных правонарушений»¹. Аналогичное положение указано в п. 2 ч. 1 ст. 21 данного федерального закона в качестве основания применения специальных средств.

Следует добавить, что особое внимание необходимо уделять изучению субъективного восприятия происходящего лицом, прибегнувшим к активным мерам защиты. Это объясняется тем, что правильную юридическую оценку совершенному посягательству не всегда могут дать квалифицированные юристы, даже после детального изучения произошедшего. Поэтому невозможно требовать от оборонявшегося точной квалификации совершаемого посягательства. Решая вопрос о наличии в деянии лица признаков необходимой обороны, прежде всего следует выяснить, какие конкретно блага он пытался защитить. В зависимости от его оценки ситуации возможны следующие варианты юридической квалификации оборонительных действий. Если обороняющийся, оценив посягательство как административное правонарушение, с учетом всех обстоятельств дела предвидел реальную угрозу его перерастания в преступное посягательство, то применяться должна ст. 37 УК РФ. Если обстоятельства совершаемого посягательства не позволяли лицу, прибегнувшему к активной защите, дать ему точную юридическую оценку, то следует исходить из того, какие блага он защищал. Если посягательство осуществлялось на отношения, охраняемые как административным, так и уголовным законом, но обороняющийся, основываясь на сложившейся обстановке, воспринимал происходящее как преступное посягательство, то защита должна оцениваться по правилам уголовно-правовой необходимой обороны.

До настоящего времени дискуссионным остается вопрос о том, должно ли быть посягательство преступным или достаточным является лишь наличие его объективной общественной опасности. Так, высказана точка зрения, в соответствии с которой вопрос о право-

¹ См.: Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7, ст. 900.

мерности причиненного лицу, не достигшему возраста уголовной ответственности, или невменяемому вреду, при отражении совершаемого ими общественно опасного посягательства, следует решать по правилам крайней необходимости¹.

И. И. Слуцкий предложил решать этот вопрос по правилам о необходимой обороне в ситуациях, когда обороняющийся не знает о неправомерном характере посягательства, в противном случае рекомендуется применять правила крайней необходимости². Возражая этому утверждению, следует отметить, что «состояние необходимой обороны является объективной реальностью, вызываемой объективно опасным посягательством. И при этом знание или незнание обороняющимся субъективного состояния нападающего не может изменить характера посягательства и тем самым создать или исключить состояние необходимой обороны»³.

В. В. Орехов отмечает, что закон говорит о защите от общественно опасного посягательства, а не от преступного посягательства, поэтому не требуется, чтобы это посягательство всегда содержало все признаки преступления. Следовательно, правомерной будет защита от общественно опасного посягательства, совершенного невменяемым, малолетним лицом, действующим в силу извинительной ошибки⁴. Такая позиция поддерживается и в судебной практике. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 5 постановления от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъясняет, что «необходимая оборона может быть признана правомерной независимо от того, привлечено ли посягавшее лицо к уголовной ответственности, в том числе в случае защиты от посягательства лица в состоянии невменяемости или лица, не достигшего возраста, с которого наступает уголовная ответственность». Подобный подход в целом следует признать соответствующим букве закона. Однако «скрытая» («неявная») бланкетность норм, регламентирующих необходимую оборону, обязывает право-

¹ См.: Домахин С. А. Крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 25.

² См.: Слуцкий И. И. Необходимая оборона в советском уголовном праве // Ученые записки ЛГУ. – 1951. – № 129. – С. 174.

³ См.: Шавгулидзе Т. Г. Необходимая оборона. Тбилиси, 1996. С. 63.

⁴ Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключющие преступность деяния. СПб., 2003. С. 54.

применителей при ее применении учитывать положения норм иных отраслей права, раскрывающих содержание установленных ими признаков.

Так, ряд законов содержат прямой запрет на применение оружия в отношении несовершеннолетних. Например, в ч. 5 ст. 23 Федерального закона «О полиции» установлен категоричный запрет на применение огнестрельного оружия в отношении несовершеннолетних, когда возраст очевиден или известен, за исключением случаев совершения указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения вооруженного или группового нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции¹. Такие же ограничения на применение оружия содержатся в Федеральных законах «Об оружии», «О частной детективной и охранной деятельности в РФ», «О ведомственной охране» и др. Представляется, что ответ на обозначенный вопрос должен основываться на следующих аргументах. В соответствии с ч. 3 ст. 37 УК РФ, «положения настоящей статьи в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения...». Следовательно, они не дают оснований исключить возможность обороны с использованием оружия в обозначенных случаях. Однако применение огнестрельного оружия в отношении несовершеннолетних, когда возраст очевиден или известен, за исключением случаев совершения указанными лицами вооруженного или группового нападения, следует рассматривать как превышение пределов необходимой обороны. Это обусловливается нарушением требований норм иных отраслей права, конкретизирующих в данном случае пределы правомерности необходимой обороны.

Критически следует отнестись и к предложениям исключить право обороны от неосторожных преступлений², а также от преступных деяний, совершаемых в форме бездействия³. Критикуя позицию В. И. Ткаченко о том, что «неосторожное деяние можно надежно

¹ См.: Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7, ст. 900.

² См.: Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996. С. 288.

³ Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключаящие преступность деяния. СПб., 2003. С. 57.

остановить словом»¹, Э. Ф. Побегайло предлагает попробовать «остановить словом» находящегося в состоянии пьяного куража водителя автомашины, идущего на обгон с нарушением правил дорожного движения². Показательным примером необходимой обороны является причинение смерти пьяному водителю трактора израильскими полицейскими. Лицо, управляющее трактором, допустило столкновение с пассажирским автобусом. Затем водитель трактора продолжил движение. Проехав несколько сотен метров по улице, он допустил столкновение с несколькими легковыми автомашинами, микроавтобусом и мотоциклом. Полицейский открыл огонь по водителю трактора и застрелил его³. В данном случае полицейский использовал право обороны для пресечения неосторожного преступного деяния пьяного водителя.

Федеральный закон «О полиции» в п. 1 ч. 3 ст. 23 указывает, что сотрудник полиции имеет право применить огнестрельное оружие «для остановки транспортного средства путем его повреждения, если управляющее им лицо отказывается выполнить неоднократные требования сотрудника полиции об остановке и пытается скрыться, создавая угрозу жизни и здоровью граждан»⁴. Следует отметить, что в зависимости от конкретных обстоятельств подобного рода действия лица могут содержать признаки как умышленного, так и неосторожного преступления. Вместе с тем, исходя из анализа содержания п. 1 ч. 3 ст. 23 Федерального закона «О полиции», следует вывод, что сотрудник полиции для пресечения действий лица, управляющего транспортным средством и создающего угрозу жизни и здоровью граждан, имеет право причинить вред только имуществу такого лица путем «повреждения транспортного средства» в целях его принудительной остановки. Как представляется, данное нормативное положение ограничивает право необходимой обороны, предусмотренное ст. 37 УК РФ. Ч. 1 ст. 37 УК РФ признает правомерным причинение любого вреда при защите от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. При этом

¹ См.: Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996. С. 288.

² Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб., 2008. С. 787.

³ См.: URL: <http://cursorinfo.co.il/news/novosti/2008/07/22>.

⁴ См.: Федеральный закон «О полиции» от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7, ст. 900.

необходимо отметить, что применение огнестрельного оружия после принудительной остановки транспортного средства является неправомерным и влечет уголовную ответственность за превышение должностных полномочий. Показательным примером является следующее дело. Капитан милиции К., являясь инспектором розыска ОБ ДПС ГАИ УВД САО г. Москвы, находясь при исполнении служебных обязанностей, 16 января 1998 года, примерно в 8 ч 40 мин, совместно со старшим инспектором группы быстрого реагирования ОБ ДПС ГАИ УВД САО г. Москвы Г. на служебной автомашине ВАЗ-2105 (г. н. В 930 ММ 77 рус) преследовал автомашину ВАЗ-2108 (г. н. А 668 ЕН 77 рус) под управлением А., не остановившегося по требованию Г. и пытавшегося скрыться. С целью остановки указанной автомашины К. произвел выстрел из табельного пистолета ПМ серии ИН № 13452, 1969 года выпуска, по колесам преследуемого автомобиля. В результате повреждения заднего правого колеса автомобиля А. остановился напротив дома 19/1 по Дмитровскому шоссе г. Москвы. Когда потерпевший вышел из автомашины, К. в нарушение требований ст. 15 Закона РСФСР «О милиции», умышленно превышая свои служебные полномочия, из личных неприязненных отношений, возникших из-за неподчинения А. требованиям сотрудников милиции при вышеуказанных обстоятельствах, направил в его сторону имевшийся у него пистолет, после чего, осознавая общественную опасность своих действий, примерно в 8 ч 45 мин произвел повторный выстрел в неподвижно стоявшего возле своей автомашины А. В результате потерпевшему было причинено сквозное проникающее ранение левой половины грудной клетки с повреждением верхней доли левого легкого, подключичных артерий и вены, сопровождавшееся внутриплевральным кровотечением и геморрагическим шоком, причинившее тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни.

Как установлено судом, в ходе преследования А. въехал во двор жилого дома и фактически преследование его прекратилось, необходимости в применении табельного оружия в данной ситуации для пресечения противоправной деятельности уже не было. В этой связи суд указал в приговоре, что угрозы для жизни сотрудников ГАИ сложившаяся ситуация не представляла и могла быть урегулирована

иными безопасными и законными способами, без применения оружия¹.

Вторым условием правомерности необходимой обороны, определяющим ее основания, является действительность (реальность) посягательства, которая означает его существование в объективной реальности. Это означает, что состояние необходимой обороны может возникать только в том случае, если в действительности осуществляется общественно опасное посягательство. Если посягательство существует только в воображении лица, то оборона от него признается мнимой.

В теории уголовного права вопрос о понятии и юридических последствиях мнимой обороны относится к числу малоизученных. Возможно, отчасти это можно объяснить длительным игнорированием этого явления уголовным законодательством. Подробное рассмотрение понятия и правовых последствий мнимой обороны будет проведено в третьем параграфе настоящей главы.

Самостоятельным условием правомерности необходимой обороны является цель обороняющегося – пресечение (отражение) общественно опасного посягательства. Несмотря на то, что уголовный закон прямо не указывает на цель необходимой обороны, существуют ситуации, когда преступное деяние, внешне схожее с необходимой обороной, можно разграничить только исходя из цели, которую стремилось достичь лицо, причиняющее вред. Так, Э. Ф. Побегайло отмечает, что не может быть признано находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, которое намеренно вызвало, спровоцировало нападение, с тем чтобы использовать его как повод для совершения преступных действий, например, учинение физической расправы над

¹ Приговором Тимирязевского межмуниципального (районного) суда г. Москвы от 30 октября 2001 года К. осужден по ст. 286 ч. 3 п.п. б, в УК РФ к 3 годам лишения свободы с лишением права занимать должности в органах внутренних дел в течение трех лет; по ст. 30 ч. 3 и ст. 105 ч. 1 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к 3 годам 3 месяцам лишения свободы. Постановлением президиума Московского городского суда от 23 июня 2005 года приговор изменен, действия К. переквалифицированы со ст. 30 ч. 3 и ст. 105 ч. 1 УК РФ на ст. 111 ч. 1 УК РФ, по которой назначено наказание 2 года лишения свободы. Определением судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 января 2006 г. № 5-Д05-255 приговор и постановление президиума городского суда изменены, исключено указание об осуждении К. по ст. 111 ч. 1 УК РФ.

«нападающим»¹. В теории уголовного права это явление получило название «провокация обороны». Естественно в таких ситуациях лицо должно нести ответственность за причиненный вред на общих основаниях. В уголовных законодательствах многих зарубежных стран предусмотрены специальные нормы, исключающие возможность признания необходимой обороны при ее провокации. Так, в ч. 2 пар. 505 УК Пенсильвании указано, что использование смертельной силы в целях самозащиты неправомерно, если исполнитель с намерением причинить смерть или тяжкое телесное повреждение спровоцировал использование силы против него самого в этом же столкновении².

Вместе с тем установление требования отсутствия провокации является излишним при придании обязательного значения такому признаку необходимой обороны, как ее цель. Это объясняется тем, что при провокации обороны лицо преследует цель – как конечный результат своей деятельности не отражение совершаемого посягательства, а физическую расправу над «посягающим». Поэтому вполне достаточным для исключения возможности признания необходимой обороной ее провокацию является указание в уголовном законе на цель обороны – предотвращение общественно опасного посягательства. Р. М. Юсупов по рассматриваемому вопросу также отметил, что введение в качестве обязательного признака необходимой обороны специальной цели объясняется тем, что при одном и том же поводе одинаковые действия могут иметь различную социальную окраску³.

Итак, несмотря на то, что в законе четко не определена цель необходимой обороны, указание законодателя на допустимость причинения вреда только при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества и государства от общественно опасного посягательства, следует понимать как предполагающие существование цели защиты от общественно опасного посягательства.

Следующим условием правомерности, характеризующим основания необходимой обороны, является причинение вреда только посягающему. Характерно, что уголовно-правовая необходимая оборона имеет место только при причинении вреда правам и интересам пося-

¹ См.: Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб., 2008. С. 791.

² См.: Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / сост. В. И. Лафтинский. М., 1993. С. 661.

³ См.: Юсупов Р. М. Необходимая оборона. Тула, 2001. С. 43.

гающего охраняемых уголовным законом. Защита, осуществленная иным способом, например, путем бегства, отталкивания посягающего, уклонения от его ударов, обращением за помощью к органам власти, не является необходимой обороной в уголовно-правовом смысле, а соответственно и ст. 37 УК РФ не применяется. Эта позиция находит свое отражение в решениях высших судебных органов. В частности, Пленум Верховного Суда СССР в одном из своих постановлений отметил, что «необходимая оборона по смыслу закона предполагает активное противодействие нападению... и не может быть сведена к простому отражению угрозы, в частности к отталкиванию нападающего»¹.

Вред, причиненный при уголовно-правовой необходимой обороне, может выражаться в причинении посягающему смерти, различной степени тяжести вреда здоровью и нанесении побоев, в уничтожении или повреждении принадлежащего ему имущества. При этом Н. Н. Паше-Озерский обоснованно отмечает, что защита не должна сводиться к причинению того или иного вреда посягающему, а заключается в весьма активном вторжении в сферу его интересов, в контрнападении на него². Полагаем, это замечание весьма полезно для практики применения ст. 37 УК РФ. Это объясняется тем, что правоприменители, нередко акцентировав свое внимание на тяжести наступивших в результате защиты последствий и на активности поведения обороняющегося, вообще не усматривают признаков необходимой обороны.

Представляется, что на уровне судебного толкования необходимо разъяснить, что в состоянии необходимой обороны, в зависимости от характера и опасности посягательства, защищающийся может причинять посягающему вред в виде лишения его жизни, причинения вреда его здоровью, уничтожения или повреждения принадлежащего ему имущества. При этом особо следует отметить, что защита может предполагать при причинении указанного вреда активное вторжение в сферу интересов посягающего либо контрнападение на него.

Особое значение это требование приобретает при уничтожении лиц, участвующих в бандитских формированиях. Как показывает практика, правоохранительные органы в случаях нападения со сторо-

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1967. – № 4. – С. 18.

² См.: Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. С. 37.

ны бандформирований либо оказания вооруженного сопротивления при захвате вынуждены для избежания потерь со своей стороны фактически предпринимать контрнападения. Естественно, в этих ситуациях следует соблюдать временные пределы необходимой обороны.

§ 2. ПРЕДЕЛЫ ПРАВОМЕРНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Основополагающим моментом в институте необходимой обороны является предел возможного поведения лица, осуществляющего защиту: насколько свободен человек при отражении общественно опасного посягательства¹. Свобода обороняющегося ограничивается пределами допустимости необходимой обороны, которые обосновывают ее необходимость. Решающую роль в определении границ допустимой защиты играет ее цель – предотвращение или пресечение общественно опасного посягательства².

Обозначенная цель необходимой обороны логически определяет два вида ее пределов. Во-первых, предотвращение или пресечение общественно опасного посягательства возможно лишь, когда оно началось и еще не окончилось, либо, когда имеется реальная угроза того, что оно может немедленно начаться – временной предел обороны. Во-вторых, обороняющийся может причинить посягающему вред, который в сложившейся обстановке был необходим для отражения грозящей или существующей опасности. Действия защищающегося должны обосновываться характером и степенью общественной опасности посягательства – интенсивный предел обороны.

Временной предел необходимой обороны отдельными учеными не выделяется в качестве самостоятельного условия правомерности необходимой обороны. Они полагают, что достаточным признаком, определяющим временные границы защиты, является наличие посягательства³. Вместе с тем до настоящего времени не потеряли своей актуальности слова Н. С. Таганцева, указывавшего, что все попытки, встречавшиеся в рамках доктрины уголовного права, установить юридически определенный момент в развитии преступного посягательства, с которого начинается право обороны, оказались несостоятельными⁴.

¹ См.: Юшков Ю. Н. Проблемы пределов необходимой обороны // Концепция уголовного законодательства России. – Омск, 1992. – С. 24.

² См.: Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. Харьков, 1991. С. 174.

³ См.: Якубович М. И. Вопросы теории и практики необходимой обороны. М., 1961. С. 85; Наумов А. В. Применение норм уголовного права. Волгоград, 1973. С. 23.

⁴ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть Общая. Т. 1. СПб., 1902. – С. 531.

Общепризнанным является тот факт, что право обороны возникает не только в момент начала посягательства, но и при наличии реальной угрозы его осуществления. В этом отношении справедливо указывается, что признание начальным моментом посягательства лишь момента нанесения вреда правоохраняемому объекту неосновательно ограничило бы право необходимой обороны, ибо оборона является особо эффективной, когда защищающийся осуществляет оборонительные действия именно до повреждения объекта защиты¹. Более того, в некоторых случаях применение необходимой обороны вообще возможно только при непосредственной угрозе посягательства, поскольку после его начала такой возможности у лица, подвергшегося нападению, может не быть. Именно из такого понимания начального момента обороны исходили еще Воинские Артикулы Петра I. В п. 3 толкования артикула 157 по этому поводу говорилось следующее: «... не должен есть от соперника себе первого удара ожидать, ибо через такой первый удар может тако учиниться, что и противиться весьма забудет»².

Российская судебная практика также не отождествляет начальный момент необходимой обороны с моментом начала общественно опасного посягательства. В частности, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 4 мая 1945 г., определяя начальный момент обороны, указывал, что «состояние необходимой обороны наступает не только в тех случаях, когда оно осуществляется непосредственно в процессе нападения, но и тогда, когда по всем обстоятельствам начало реального осуществления нападения настолько очевидно и неминуемо, что неприменение предупредительных мер ставит в явную непосредственную и неотвратимую опасность лицо, вынужденное к принятию этих мер. ...для решения вопроса о том, находилось ли то или иное лицо в состоянии необходимой обороны в тех случаях, когда нападение не было осуществлено, необходимо установить, насколько опасность такого нападения была реальной и очевидной, что зависит от конкретных обстоятельств того или иного дела»³. Смежная позиция сохранена и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 27 сентября 2012 г. Так, в п. 3 этого постановления разъясняется, что «состояние необходимой обо-

¹ См.: Шавгулидзе Т. Г. Необходимая оборона. Тбилиси, 1966. С. 69.

² См.: Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период. М., 1990. С. 318.

³ См.: Судебная практика Верховного Суда СССР. М., 1945. С. 97.

роны возникает не только с момента начала общественно опасного посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, но и при наличии реальной угрозы такого посягательства, то есть с того момента, когда посягающее лицо готово перейти к совершению соответствующего деяния. Суду необходимо установить, что у обороняющегося имелись основания для вывода о том, что имеет место реальная угроза посягательства».

Таким образом, суть обозначенного вопроса заключается в том, что следует устанавливать, возникло ли право обороны, а не начальный момент посягательства. Этот вопрос должен решаться с точки зрения психического восприятия обороняющегося лица, основанного на объективных данных, исходя из которых у него возникло субъективное представление о непосредственной угрозе начала совершения посягательства.

Среди таких объективных данных общественно опасное деяние, безусловно, признается главным признаком, обуславливающим возникновение права обороны, однако оно не является единственным таковым признаком. В случаях непосредственной опасности возникновения посягательства в качестве признаков, определяющих начальный момент обороны, выступают все обстоятельства дела. В частности, указывается необходимость учитывать личность лица, пытавшегося совершить преступление, его прежнее поведение, в каком состоянии оно находилось в момент угрозы¹.

Следовательно, субъективное восприятие обороняющегося должно включать в себя осознание характера и степени общественной опасности начавшегося или непосредственно предстоящего посягательства, обстановку защиты и сознание того, что предпринимаемые им действия вызваны непосредственно предстоящим или уже начавшимся, но еще не оконченным посягательством. Иными словами, субъективное представление лица, осуществляющего необходимую оборону о том, что общественно опасное посягательство уже началось либо непосредственно предстоит, должно быть основано на всей фактической обстановке, на фактических действиях посягателя, создающих реальную угрозу для общественного или индивидуального интереса, охраняемого уголовным законом².

¹ См.: Козак В. Н. Необходимая оборона и ее гарантии по советскому законодательству. Саратов. 1968. С. 65.

² См.: Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. С. 49.

Таким образом, может объективно существовать ситуация, когда не само общественно опасное посягательство обуславливает возникновение состояния необходимой обороны, а лишь угроза непосредственного его осуществления, обусловленная поведением лица, готовящегося его совершить в совокупности со всей фактической обстановкой.

Показательным в этом отношении является следующий пример. Ночью к жительнице г. Новозыбкова Пинчуковой постучали в окно двое неизвестных. Они вызвали хозяйку во двор и, сказав ей, что опоздали на поезд, идущий в г. Гомель, вопреки ее желанию, оставили у нее в сарае мешок с вещами, пообещав зайти за ним в час ночи следующих суток. Пинчукова заподозрила, что вещи являются краденными и заявила об этом в милицию. В сарае Пинчуковой была устроена засада, и два работника милиции стали ждать прихода неизвестных. В час ночи неизвестные осторожно подошли к сараю и открыли дверь. Один из них достал из кармана пистолет «ТТ» и взял его в правую руку, а другой рукой стал зажигать зажигалку, чтобы осветить сарай. Но она гасла от ветра. От блесков искр работники милиции увидели, что пистолет направлен в их сторону, и если они себя обнаружат, то неизвестный может выстрелить в них. Тогда один работник милиции произвел в неизвестного, который держал пистолет, прицельный выстрел и смертельно ранил его в живот. Другой неизвестный пытался скрыться, но также был задержан. В дальнейшем было установлено, что в мешке находились похищенные неизвестными продукты, которые они хотели продать на рынке в г. Гомеле¹.

Этот пример наглядно показывает, что момент возникновения права обороны и момент начала общественно опасного посягательства не тождественны. Отсюда следует, что право обороны может создавать поведение лица, свидетельствующее о его намерении немедленно совершить общественно опасное посягательство. Таким поведением, например, может быть высказывание угрозы, сопровождающееся демонстрацией оружия.

Не определяются границами нападения временные пределы необходимой обороны и в случаях, когда по обстоятельствам дела обороняющемуся не ясен момент окончания посягательства. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Фе-

¹ См.: Якубович М. И. Вопросы теории и практики необходимой обороны. М., 1961. С. 99–100.

дерации от 27 сентября 2012 г. № 19, состояние необходимой обороны может иметь место в том числе в случаях, когда защита последовала непосредственно за актом хотя и оконченного посягательства, но если, исходя из обстоятельств, для оборонявшегося лица не был ясен момент его окончания, и лицо ошибочно полагало, что посягательство продолжается. Иначе говоря, если обороняющийся с учетом ситуации обоснованно полагает, что посягательство лишь приостановлено и может возобновиться в любой момент, с точки зрения закона, право необходимой обороны не прекращается.

Определение временных пределов необходимой обороны имеет важное уголовно-правовое значение, поскольку они, выступая основанием определения правомерности обороны, также являются гарантом обеспечения неприкосновенности законных прав и интересов граждан. «Правильное определение понятия своевременности обороны имеет большое значение для решения вопроса об объеме правомочий гражданина, прибегающего к активной защите правоохраняемых интересов... Слишком узкое определение этого понятия привело бы к ограничению права граждан на необходимую оборону, а слишком широкое – к оправданию действий, не вызывавшихся необходимостью ввиду их несвоевременности»¹.

То обстоятельство, что общественно опасное посягательство является основанием применения необходимой обороны, обусловило возникновение в уголовно правовой теории точки зрения, в соответствии с которой момент начала права защиты рассматривался с позиции учения о стадиях совершения преступления.

В частности, И. И. Слуцкий высказывал точку зрения, что «уже на стадии приготовления, а иногда и при обнаружении умысла посягательство может быть наличным, однако только при том условии, если субъект своим поведением подтвердил наличие непосредственной, неминуемой опасности начала осуществления посягательства»².

По мнению Н. Н. Паше-Озерского и И. С. Тишкевича, необходимая оборона допустима как на стадии покушения, так и приготовления к преступлению³. В частности, Н. Н. Паше-Озерский указывает,

¹ Тишкевич И. С. Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969. С. 49.

² Слуцкий И. И. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность. Л., 1956. С. 54.

³ Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. С. 51; Тишкевич И. С. Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969. С. 52.

что «в тех случаях, когда необходимая оборона направлена против объективно общественно опасного и одновременно преступного деяния, такая оборона в отношении своего «начального момента» возможна, по нашему убеждению, не только против самого преступного деяния, но и против покушения на него, а равно и против приготовления, поскольку таковое угрожает перейти в покушение и далее в оконченное преступление»¹.

Среди современных авторов идею о необходимости использования стадий совершения преступления для определения начального момента состояния необходимой обороны поддерживает А. Н. Попов. По его мнению, именно стадия приготовления и образует понятие, которое именуется «реальная угроза посягательства». При этом стадию приготовления он условно подразделяет на стадию «раннего» и «позднего» приготовления. В частности, А. Н. Попов пишет: «На стадии раннего приготовления отсутствует реальная угроза нападения, поскольку между подготовительными действиями и последующей стадией покушения может быть значительный промежуток времени.

Стадия позднего приготовления характеризуется тем, что виновный уже реально готов перейти к стадии покушения, но еще не сделал этого в силу того, что необходимо предпринять последнее усилие, например, необходимо поближе подойти к потерпевшему для нанесения удара»².

Однако вопрос о возможности рассмотрения начального момента защиты с позиции учения о стадиях совершения преступления является дискуссионным. В уголовно-правовой литературе высказывается ряд серьезных аргументов, носящих концептуальный характер и свидетельствующих о невозможности использования учения о стадиях совершения преступления для определения начального момента права необходимой обороны.

Так, профессор Т. Г. Шавгулидзе утверждает, что о стадиях преступления может идти речь лишь в тех случаях, когда посягательство носит преступный характер, а состояние необходимой обороны может возникнуть и от непроступного посягательства³. Например, при общественно опасном посягательстве лица, не достигшего возраста уголовной ответственности или невменяемого. Не согласуется с при-

¹ Тишкевич И. С. Условия и пределы необходимой обороны... С. 51–52.

² См.: Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 1998. С. 255–256.

³ Шавгулидзе Т. Г. Необходимая оборона. Тбилиси, 1966. С. 76.

менением учения о неоконченном преступлении и отсутствие стадий приготовления и покушения при неосторожных посягательствах, а также совершаемых с косвенным умыслом. Поскольку общепризнано, что приготовление и покушение с субъективной стороны характеризуется только прямым умыслом¹, то признание возможности использования стадий совершения преступлений, как определяющего момента начала права обороны, означало бы ее допустимость лишь от посягательств, совершаемых с прямым умыслом.

Также применение учения о стадиях совершения преступления входит в противоречие с общепризнанным положением, в соответствии с которым необходимая оборона допускается не только в самый момент общественно опасного посягательства, но и при наличии реальной его угрозы. К недостаткам указанного подхода определения начального момента обороны можно отнести и то, что большинство граждан, на которых прежде всего рассчитан рассматриваемый институт, не обладая специальными познаниями в юриспруденции, не могут разграничивать стадии совершения преступления.

Указанные аргументы обуславливают необходимость определения иных критериев для установления начального момента возникновения права на необходимую оборону. В этом отношении основными требованиями указанных критериев должны стать отражение реалий настоящего состояния борьбы с преступностью и доступность их к восприятию гражданами.

Профессор Т. Г. Шавгулидзе указывал, что «при решении вопроса о начальном моменте общественно опасного посягательства надо исходить из реальной опасности, которую создало посягательство, и необходимости немедленного принятия мер для отражения этого посягательства»².

Такая позиция представляется более обоснованной, поскольку исключает большинство приведенных выше замечаний. Однако представляется, что она не отражает возможности применения обороны от непосредственно предстоящего посягательства, а также выставляет излишнее требование «необходимости немедленного принятия мер для отвращения посягательства».

Это требование не соответствует положению закона, в соответствии с которым право обороны «принадлежит лицу независимо от

¹ См.: Российское уголовное право. Общая часть. М., 1994. С. 168–170.

² Шавгулидзе Т. Г. Необходимая оборона ... С. 77.

возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти» (ч. 3 ст. 37 УК РФ). Главными оправдывающими обстоятельствами должны являться: объективный критерий – наличие реальной угрозы причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам, и субъективный критерий – осознание обороняющимся наличия этой угрозы.

Таким образом, начальный момент права обороны, по нашему мнению, должен определяться объективными (внешними) актами поведения, направленными против охраняемых уголовным законом общественных отношений при условии, что обороняющийся осознает эти акты как общественно опасные посягательства либо как свидетельствующие о возникновении угрозы непосредственного начала такого посягательства. Эта формулировка означает, что для признания права обороны начавшимся необходимо наличие двух совпадающих условий:

1) посягающий совершает общественно опасное деяние либо деяние, свидетельствующее о возникновении непосредственной угрозы охраняемым уголовным законом общественным отношениям; при этом под деяниями следует понимать как физическое воздействие, так и словесную или конклюдентную реальную угрозу;

2) обороняющийся осознает, что указанные действия являются общественно опасным посягательством, причиняющим вред охраняемым уголовным законом отношениям, либо создают реальную непосредственную угрозу начала такого посягательства.

Обозначенные условия охватывают весь спектр обстоятельств, свидетельствующих о возникновении состояния необходимой обороны. При этом следует подчеркнуть, что общественно опасное посягательство является, несомненно, главным условием возникновения права защиты. Однако состояние обороны может возникать уже при наличии реальной угрозы его начала. Также исключается возможность защиты от предполагаемого посягательства даже в случаях, когда становится известно, что оно будет осуществлено в будущем при отсутствии реальной угрозы.

Признавая реальность угрозы начальным моментом возникновения состояния необходимой обороны, нельзя не отметить ее возросшую опасность в современных условиях. До начала 1990-х годов круг объектов угрозы был довольно узким. Объективно она, как правило, выражалась в словесной форме без совершения каких-либо действий, направленных на ее осуществление. Это отражалось и в существо-

вавшем законодательстве. В частности, в УК РСФСР 1961 г. ответственность устанавливалась лишь за угрозу убийством, причинением тяжкого телесного повреждения либо уничтожением имущества путем поджога (ст. 207).

В настоящее время характер угроз претерпел значительные изменения. Наряду с расширением объектов угроз они стали более дерзкими и циничными. Отчасти это нашло отражение в уголовном законе. Например, одной из форм террористического акта является угроза совершения взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного вреда либо наступления иных общественно опасных последствий в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти (ст. 205 УК РФ). Также угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества составляет объективную сторону ст. 296 УК РФ «Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования». Объективная сторона состава преступления о применении насилия в отношении представителя власти также может быть выражена в угрозе применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей (ст. 318 УК РФ). Помимо угроз, указанных в законе, на практике часто встречаются угрозы похищения людей, насильственных действий сексуального характера или изнасилования малолетних и др. Характерно, что число случаев реализации угроз возрастает и в орбиту ее осуществления попадает все большее число граждан. Эти обстоятельства обуславливают не только объективное повышение опасности угроз, но и ее субъективное восприятие потерпевшими как реально реализуемой.

Э. Ф. Побегайло приводит данные, в соответствии с которыми каждый третий участник преступлений был ранее судим. Каждое пятое зарегистрированное преступление совершается группой лиц. Растет число преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами. Более 10 тыс. гангстеров, по оценкам специалистов из МВД, образуют сегодня 400 с лишним крупных преступных группировок, действующих на территории России¹. С 1991 г.

¹ См.: Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб., 2008. С. 768.

по 2005 г. в России в результате различных преступлений погибли около 1,2 млн человек и не менее 1 млн получили тяжкие увечья¹.

В связи со сказанным представляется целесообразным при признании реальной угрозы, как начального момента права обороны, учитывать не только характер и степень ее общественной опасности, но и признаки реальности рассматривать как характеристику лица, ее создавшего, предшествовавшее поведение этого человека, а также то психическое и физиологическое состояние, в котором оно находилось в момент высказывания угрозы.

В качестве субъективных критериев, характеризующих восприятие реальности угрозы защищающимся, необходимо учитывать как ее осознание в качестве реальной и непосредственно осуществимой, так и психическое состояние обороняющегося. Проведенное исследование свидетельствует о том, что поведение обороняющегося почти во всех случаях сопряжено с сильной фрустрацией, стрессом, возникающим из-за предстоящей угрозы посягательства. Это обстоятельство существенно влияет на протекание субъективных процессов и характер действий защищающегося. В ситуации сильного напряжения могут совершаться поступки как в плане высокой эффективности действий, так и в плане их некоторой неадекватности, ошибочности. Обороняющиеся лица практически никогда не остаются хладнокровными, их поведением руководят сильнейшие негативные эмоции, такие как гнев, ярость, страх, иногда вызывающие аффект. Все это необходимо учитывать при решении вопроса о начальном моменте обороны, обусловленном непосредственной реальной угрозой посягательства.

Примером правомерной защиты от реальной угрозы посягательства может служить случай, произошедший в Серебряно-Прудском районе Подмосковья. Двое жителей Серебряно-Прудска ночью, вооруженные пистолетом, совершили разбойное нападение на водителя «КамАЗа». Грузовик они отогнали на дачу и там разгрузили находившиеся в нем арбузы. На этой же машине они приехали в пельменную и под угрозой пистолета забрали 4 млн рублей, продукты и ящик водки. В пельменной помимо хозяина находились трое посетителей, которые все видели.

Впоследствии один преступник подошел к припаркованной на стоянке «Авиа» и отнял у водителя 700 тыс. рублей. Затем они пошли

¹ См.: Лунев В. В. Преступность XX века. 2-е изд. М., 2005. С. 859.

к стоявшему на стоянке еще к одному «КамАЗу», в котором находились свидетели разбоя в пельменной, наблюдавшие посягательство на водителя «Авиа». Один из них достал охотничье ружье и, когда преступники подошли к их машине, выстрелил в того, кто был вооружен.

Данный случай был признан правомерной обороной. Поскольку предшествующее поведение посягавших давало основания полагать, что они собираются совершить разбойное нападение. Угроза носила реальный характер¹.

При установлении начального момента обороны, в случаях реальной угрозы посягательства, внимание должно быть сфокусировано на действиях лица, создавшего эту угрозу. А. И. Каплунов и С. Ф. Милюков отмечают, что намерение о непосредственной угрозе начала посягательства может быть выражено: в виде действий (например, в форме демонстрации оружия или заменяющих его средств с одновременным приближением к обороняющемуся, несмотря на предупреждение; нападающий направил огнестрельное оружие на потерпевшего, занес руку с ножом, топором) или словесно (в этом случае по характеру угрозы должно быть ясно о его намерениях², а также, что она не носит неопределенного и отсроченного характера³, а будет исполнена немедленно)⁴.

У обороняющегося следует устанавливать лишь соответствующее субъективное восприятие этих действий. Иногда судебно-следственные работники допускают серьезные ошибки в результате того, что направляют все усилия на юридическую оценку действий обороняющегося. А они, как известно, без соответствующих оснований их совершения объективно попадают под действие какой-либо статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. В результате такого подхода в действиях оборонявшегося устанавливается состав преступления, а его заявления о том, что он оборонялся, рассматриваются как стремление уйти от ответственности. Факт необходимой обороны по таким делам нередко фиксируется лишь вышестоящими судебными инстанциями.

¹ См.: Московский комсомолец. – 1997. – 20 сентября.

² Например, «убью», «зарезу», искалечу и т. д., а также употребление нецензурных и жаргонных выражений того же смысла.

³ Например, «ты пожалеешь, что связался со мной», «я тебе отомщу», «ты меня еще вспомнишь».

⁴ См.: Каплунов А. И., Милюков С. Ф. Применение и использование огнестрельного оружия. СПб., 2003. С. 110.

Учитывая скрытую бланкетность нормы, регламентирующей необходимую оборону, положительно воспринимается конкретизация момента возникновения состояния обороны применительно к конкретным ситуациям в нормах неуголовных отраслей права. Так, например, в российском законодательстве закреплены гарантии личной безопасности вооруженных сотрудников полиции, военнослужащих внутренних войск, сотрудников уголовно-исполнительной системы, работников ведомственной охраны. Им предоставляется право обнажать огнестрельное оружие и приводить его в готовность, если они считают, что в создавшейся обстановке могут возникнуть предусмотренные законом основания для его применения. В целях обеспечения собственной безопасности указанных сотрудников и предотвращения попыток незаконного завладения табельным оружием в федеральных законах, регламентирующих их деятельность, конкретизируется момент начала посягательства на таких лиц, детализируя начальный момент состояния обороны. Так, в ч. 2 ст. 24 Федерального закона «О полиции» установлено, что сотрудник полиции имеет право применить огнестрельное оружие «при попытке лица, задерживаемого сотрудником полиции с обнаженным огнестрельным оружием, приблизиться к сотруднику полиции, сократив при этом указанное им расстояние, или прикоснуться к его огнестрельному оружию»¹. Более детально момент возникновения состояния необходимой обороны конкретизирован в ч. 2 ст. 30 Федерального закона от 6 февраля 1997 г. «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», в которой указывается: «Попытки задерживаемого лица приблизиться с обнаженным холодным или огнестрельным оружием либо предметами, с помощью которых может быть нанесено телесное повреждение, к военнослужащему внутренних войск, сократив при этом указанное военнослужащим расстояние, а также попытки указанного лица прикоснуться к оружию военнослужащего внутренних войск предоставляют последнему право применить оружие в соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 28 настоящего Федерального закона»².

Следует отметить, что если имеет место конкретизация условий правомерности необходимой обороны в нормативных актах неуго-

¹ См.: Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7, ст. 900.

² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 16, ст. 1664.

ловных отраслей права, в том числе Федеральном законе «О полиции», то в правоприменительном акте следует делать ссылки на эти акты в описательной его части, а в резолютивной на уголовно-правовую норму, предусматривающую необходимую оборону.

Несоблюдение указанного правила является фактором, способствующим совершению грубых квалификационных ошибок, в результате которых правомерные деяния признаются преступлениями. Показательным является следующий пример. Оперуполномоченный уголовного розыска Поворов 20 мая 1994 г. Мещанским межмуниципальным районным судом Центрального административного округа г. Москвы был осужден по ст.ст. 105, 15, 105 УК РСФСР. Поворов признан виновным в совершении убийства при превышении пределов необходимой обороны.

Как видно из материалов дела, 30 сентября 1992 г. в вечернее время Сухарев, Шилов, Зерекидзе, Иванов и Тарасенков – члены кооператива – распивали спиртное примерно в 22 часа на улице.

Около 22 ч 30 мин после окончания дежурства оперуполномоченный уголовного розыска Поворов по дороге домой увидел группу людей в составе 5–6 человек, один из которых, как впоследствии оказалось Иванов, пытался его остановить, затем к нему подошел ранее незнакомый Зерекидзе и также предложил поговорить. Иванов и Зерекидзе были в состоянии алкогольного опьянения. Поворов сказал им, что является сотрудником милиции. В ответ они оскорбили его, предложили пойти «разобраться». Вместе с Зерекидзе он направился к арке дома, где его кто-то сзади ударил по голове, отчего он упал. Его стали избивать ногами по голове и телу. Тогда он достал пистолет и трижды выстрелил. В результате Сухарев был убит, а Шилов тяжело ранен. По мнению Поворова, оружие он применил правильно, так как его жизни угрожала реальная опасность. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда приговор оставила без изменений.

Признав Поворова виновным в убийстве и покушении на убийство при превышении пределов необходимой обороны, суды первой и кассационной инстанций в обоснование своего вывода сослались на показания осужденного, потерпевших Шилова и Сухаревой, свидетелей Иванова, Зерекидзе и Тарасенкова, заключения экспертов.

Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации в протесте поставил вопрос об отмене судебных решений и пре-

кращении дела за отсутствием в действиях Поворова состава преступления.

Президиум Московского городского суда протест удовлетворил 29 мая 1997 г., указав следующее: «Оценивая приведенные доказательства и давая квалификацию действиям Поворова, суд ошибочно пришел к выводу, что Поворов неправомерно применил оружие и превысил пределы необходимой обороны. При этом не уточнялось, в чем конкретно выразилось превышение».

В основу обвинения положены выводы судебно-медицинской и медико-криминалистической экспертиз, опровергающих показания Поворова о производстве выстрелов из положения полулежа. В то же время суд не дал оценки характеру опасности, угрожавшей Поворову, обстановке, при которой было совершено нападение: ночное время, численное превосходство находившихся в пьяном виде нападавших, их агрессивность. Поворов предупредил о применении оружия, однако пистолетом пытались завладеть. Табельное оружие было похищено, а затем подброшено к месту, где было совершено нападение на сотрудника милиции Поворова.

При таких обстоятельствах следует признать действия Поворова как совершенные в условиях необходимой обороны без превышения ее пределов, поэтому дело в отношении него подлежит прекращению за отсутствием состава преступления.

Характерно, что ни одна из названных судебных инстанций, решая вопрос о правомерности применения сотрудником милиции табельного огнестрельного оружия, ссылок на соответствующие статьи до недавнего времени действовавшего Федерального закона «О милиции» не сделала.

Конечный момент состояния необходимой обороны, как правило, связывается с фактическим окончанием преступного посягательства. Под фактическим окончанием посягательства, создавшего состояние необходимой обороны, понимается отпадение угрозы причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Профессор Н. Н. Паше-Озерский указывает, что посягательство надо признавать оконченным в следующих случаях: а) когда оно прекращается лицом добровольно или же в силу того, что посягающий не в состоянии преодолеть возникшие препятствия; б) когда оно вынуждено прекращается ввиду того, что обороняющийся одолел посягавшего и отразил его нападение; в) когда посягавший достиг своей це-

ли, нарушив индивидуальные или общественные интересы¹. В целом приведенные обстоятельства отражают основной принцип – отпадение опасности для охраняемых уголовным законом отношений, который обуславливает наличие состояния обороны.

Особую актуальность в настоящее время приобрел вопрос о применении обороны при длящихся и продолжаемых преступлениях. В проводившихся ранее исследованиях этому вопросу не уделялось должного внимания ввиду того, что в то время, когда они проводились, преступность в значительно большей мере поддавалась воздействию со стороны государства. В настоящее время захваты заложников, похищения людей с целью получения выкупа, а также сопряженные с изнасилованиями и насильственными действиями сексуального характера и т. п., совершаются гораздо чаще. Трагическими примерами являются: захват заложников бандой Басаева в городе Буденновске, Ставропольского края в июне 1995 г.², захват заложников в театральном центре на Дубровке в г. Москве в октябре 2002 г.³

Представляется, что при совершении длящихся преступлений состояние необходимой обороны не может считаться оконченным до того момента, пока не будет исключена опасность для охраняемых уголовным законом отношений. Так, например, при совершении такого преступления, как захват заложников, необходимая оборона может быть применена против всех лиц, которые непосредственно участвуют в захвате или удержании заложников до того момента, пока они имеют реальную возможность воспрепятствовать их освобождению, либо приведения в исполнение высказываемых угроз.

Характерным является следующий пример. Один из пассажиров автобуса, Белозеров, неожиданно подошел к водителю, достал пистолет «ТТ» и заявил, что объявляет всех, кто находится в салоне (24 че-

¹ См.: Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. С. 52.

² В результате нападения бандформирования, возглавляемого Басаевым, на г. Буденновск в заложниках оказались 182 мирных жителей. За 6 суток бандиты убили 129 человек, 415 человек получили ранения. При нападении в городе были полностью или частично уничтожены 54 муниципальных здания, 110 частных жилых домов // Российская газета. – 2002. – 25 окт.

³ В г. Москва в театральном центре на Дубровке во время представления мюзикла «Норд-Ост» бандой из 4 человек под руководством Мовсара Бараева были захвачены в заложники 800 человек. В ходе мероприятия по освобождению заложников погибли 118 человек из числа заложников, уничтожено 34 террориста.

ловека), заложниками. Чтобы подтвердить серьезность своих намерений, Белозеров несколько раз выстрелил в потолок. Согнав заложников в конец салона, он потребовал следовать в аэропорт. Когда «ЛАЗ» остановился на привокзальной площади, Белозеров выпустил водителя, чтобы тот сообщил о захвате автобуса милиции и принес рацию. По рации террорист потребовал предоставить ему автомат, патроны для пистолета «ТТ», еду, ящик водки, наркотики и самолет, заявив при этом, что он собирается лететь в Израиль.

Во время переговоров преступник заявил, что в случае неисполнения всех требований начнет убивать заложников и открыл стрельбу в потолок. В это время снайпер, находившийся на втором этаже здания аэровокзала, выстрелил и смертельно ранил Белозерова в живот¹.

Действия снайпера были признаны правомерными. Поскольку при такой ситуации опасность для охраняемых уголовным законом отношений сохраняется до того момента, пока захвативший заложников их не освободит, либо это преступление не будет пресечено другими лицами.

Представляется, что не имеет правового значения то обстоятельство, высказывал ли преступник намерения осуществить угрозы в отношении заложников немедленно либо через какой-то промежуток времени. Основанием, оправдывающим наличие права обороны в таких случаях, является сам факт удерживания каких-либо людей.

Примером этого может служить случай, произошедший в 1995 г. во время захвата в г. Буденновске Ставропольского края бандой Басаева больницы с заложниками. Так, после обстрела здания РОВД бандиты направились к больнице, находящейся на окраине города, по пути всех встречающихся им людей объявляли заложниками и заставляли идти с ними. Один из членов банды, вооруженный автоматом, зашел во двор частного дома, где находился гражданин А., его жена и дочь. Бандит приказал им следовать вместе с ними в больницу, а сам пошел проверить, не остался ли кто в доме.

В это время А., взяв отрезок металлической трубы, подошел к бандиту сзади и нанес ему удар по голове, от которого тот скончался. Действия А. были признаны правомерными².

Аналогично должен решаться вопрос и при похищении людей. Примером применения необходимой обороны для защиты от указан-

¹ См.: Московский комсомолец. – 1996. – 19 янв.

² См.: Ставропольская правда. – 1995. – 9 июля.

ных посягательств служит следующий случай. Группа солдат одной из воинских частей, дислоцирующейся на границе с Чечней, была захвачена бандитами. В одном из горных аулов Чечни, куда их доставили, у них узнали домашние адреса и сказали, что будут требовать за них выкуп, а до его получения они должны были выполнять указанную им работу. Фактически они использовались в качестве рабов. В один из дней во время вечерней молитвы им удалось захватить оружие и убить несколько бандитов. После чего они бежали в свою часть¹.

По этому и аналогичным делам состояние необходимой обороны должно сохраняться все время, вплоть до освобождения захваченных лиц. Игнорирование этого имеющего концептуальное значение обстоятельства приводит к совершению квалификационных ошибок и, как результат, к осуждению правомерно оборонявшихся граждан за преступления без смягчающих обстоятельств.

В частности, в «Российской газете» (октябрь 2005 г.) сообщалось, что участковый уполномоченный лейтенант милиции Красильщиков был захвачен группой налетчиков. Его избили, отобрали табельное оружие и документы, под дулом его же пистолета привезли домой и потребовали денег, угрожая пристрелить дочку. Милиционер «вспомнил», что деньги есть за диваном и полез туда якобы за ними, но вместо денег извлек охотничье ружье и выстрелил в преступника, угрожавшего ребенку пистолетом. Ранее этот налетчик был неоднократно судим, в том числе за убийство и грабеж. Красильщиков был осужден за умышленное убийство (ст. 105 УК РФ) и приговорен к 5 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима². Только после протестов населения и упомянутой публикации газеты приговор в отношении Красильщикова был отменен, действия его были признаны правомерными и уголовное преследование в отношении него прекращено.

Следует отметить, что высказана точка зрения, в соответствии с которой действия по пресечению преступной деятельности лиц, захвативших заложников, следует признавать причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ)³. В качестве обоснования этой позиции указывается то обстоятельство, что

¹ См.: Российская газета. – 1997. – 27 нояб.

² См.: Российская газета. – 2005. – 11 нояб.

³ См.: Демидов Ю. Н. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 139.

юридическим моментом окончания захвата заложника является момент фактического лишения свободы потерпевшего либо удержания его в неволе независимо от продолжительности по времени¹. Вместе с тем А. И. Каплунов и С. Ф. Милюков подвергли эту позицию конструктивной критике, указав, что данное преступление имеет длящийся характер, и до тех пор, пока заложники не освобождены и продолжает существовать опасность для их жизни или здоровья, действия по применению огнестрельного оружия при освобождении заложников должны соответствовать условиям правомерности, характеризующим состояние необходимой обороны².

Представляется, что при продолжаемых преступлениях состояние необходимой обороны возникает только в случаях совершения отдельных эпизодов или непосредственной реальной угрозы начала их совершения, поскольку ущерб охраняемому объекту причиняется только в такой обстановке. Однако если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что после совершения одного посягательства следующее может незамедлительно повториться, то согласно признаку реальной непосредственной угрозы возникновения посягательства состояние необходимой обороны продолжает существовать. В ситуациях же, когда нет реальной угрозы совершения нового посягательства, состояние необходимой обороны отсутствует. Определенный интерес представляет точка зрения, изложенная в одном из решений Верховного Суда штата Вайоминг. Рассмотрев дело по обвинению мальчика, убившего своего отца, который его избивал, суд отметил: «Хотя многие люди и СМИ, кажется, готовы поддержать мнение о том, что жертва дурного обращения имеет право убить обидчика, эта специальная оправдывающая защита несовместима с нравственностью современного цивилизованного общества...»³. Это явление в американской юридической литературе получило название «синдром избиваемой жены», а применительно к детям – «синдром избиваемого ребенка»⁴.

¹ См.: Практический комментарий к уголовному кодексу РФ / под общ. ред. проф. Х. Д. Аликперова и проф. Э. Ф. Побегайло. М., 2001. С. 518.

² См.: Каплунов А. И., Милюков С. Ф. Применение и использование огнестрельного оружия. СПб., 2003. С. 121.

³ Цит. по: Козочкин И. Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007. С. 162.

⁴ Там же. С. 161.

Вторым видом пределов правомерности необходимой обороны является предел допустимого вреда. Сущность этого вида пределов заключается в соответствии действий обороняющегося характеру и опасности посягательства. Законодатель определил пределы правомерности обороны, относящиеся к характеру оборонительных действий, через определение их превышения. В ч. 2 ст. 37 закреплено следующее положение: «Защита от посягательства, не сопряженного с насилием опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства». Ввиду того, что данная норма содержит оценочные признаки, среди теоретиков уголовного права нет единого мнения о критериях и принципах определения пределов правомерности обороны.

В литературе неоднократно указывается на тот факт, что применение оценочных понятий на практике связано с определенными трудностями, оперирование ими намного сложнее, чем понятиями неоценочными¹. Это связано с тем, что «по сравнению с другими суждениями оценочное суждение содержит большую опасность отрыва от реальной действительности, поскольку общая посылка в нем формируется самим лицом, применяющим это суждение»².

Поэтому важной гарантией правильного применения этих понятий является формирование адекватных им стандартов (эталонов) оценки, с которыми сопоставляются конкретные обстоятельства каждого дела³.

В большинстве случаев в качестве такого стандарта выделяют признак интенсивности посягательства и защиты. Так, профессор Т. Г. Шавгулидзе полагает, что законодатель, «определяя явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства», несомненно, имеет в виду лишь такую оборону, когда явно нарушено соответствие между интенсивностью посягательства и защиты»⁴.

¹ См., например: Питецкий В. В. Оценочные понятия в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979. С. 3.

² См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 139.

³ См.: Побегайло Э. Ф., Ревин В. П. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности ОВД. М., 1987. С. 26.

⁴ См.: Шавгулидзе Т. Г. Необходимая оборона. Тбилиси, 1966. С. 117.

На этот критерий ссылается и судебная практика. По одному из дел Пленум Верховного Суда СССР отметил: «Необходимая оборона по смыслу закона предполагает активное противодействие нападению средствами, соразмерными интенсивности последнего»¹.

Термин «интенсивность» определяется как уровень напряженности усилия². Применительно к ситуации необходимой обороны ее уровень напряженности следует определять с учетом всех обстоятельств, характеризующих посягательство и защиту.

Эта позиция отчасти была отражена рядом теоретиков уголовного права. В частности, И. С. Слуцкий под интенсивностью посягательства понимает «степень его опасности, а также силу и стремительность нападения»³ и считает, что интенсивность посягательства зависит от объекта преступления (жизнь, свобода... имущество), способа действия, применяемого преступником и теми средствами, которые были применены нападающим или защищающимся (палка, нож, кастет, пистолет и т. д.)⁴.

Наиболее полную содержательную оценку признаку интенсивности дает профессор М. И. Якубович, указывая, что интенсивность нападения обуславливается как объектом посягательства, так и способом действия нападающего⁵. При этом он пишет, что когда речь идет об интенсивности обороны и об интенсивности нападения, то необходимо оценивать все обстоятельства в совокупности, а именно: 1) средства, применяемые при нападении; 2) стремительность нападения и способ применения посягательства; 3) на что посягает преступник, и важность объекта посягательства; 4) силы и возможности преступника довести до конца задуманное посягательство; 5) силы и возможности обороняющегося, его возраст и физическую силу; 6) характер обороняемых благ; 7) средства, применяемые обороняющимся⁶.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1984. – № 5. – С. 10.

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 216.

³ См.: Слуцкий И. И. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность. Л., 1956. С. 76.

⁴ Там же. С. 76–77.

⁵ См.: Якубович М. И. Вопросы теории и практики необходимой обороны. М., 1961. С. 138.

⁶ Там же. С. 117.

Таким образом, при раскрытии содержания интенсивности посягательства большинство авторов используют признаки, характеризующие характер и степень его общественной опасности.

Такое понимание интенсивности посягательства вытекает из текста закона. В ч. 2 ст. 37 УК РФ прямо говорится, что под «превышением пределов необходимой обороны признаются умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства». Представляется, что в соответствии с буквальным толкованием этого положения интенсивность посягательства следует определять с помощью системообразующих факторов его общественной опасности. А поскольку состав преступления – это предусмотренная уголовным законом система существенных объективных и субъективных элементов и признаков преступления, образующих и характеризующих его общественную опасность¹, то содержание интенсивности посягательства можно рассмотреть через признаки состава преступления.

Установление в деянии посягавшего состава конкретного преступления, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации, позволяет правильно оценить интенсивность посягательства. Так, показательным примером является следующий случай. 26 октября 1991 года около 3 часов по окончании службы старший оперуполномоченный уголовного розыска Тюменского РОВД Ч. следовал домой на служебном автомобиле под управлением милиционера-водителя Т. По пути они решили заехать на железнодорожный вокзал с тем, чтобы в буфете приобрести сигареты. Припарковав служебный автомобиль на привокзальной площади, Ч. направился в буфет, а Т. пошел в линейный отдел внутренних дел, где работал его знакомый. В буфете Ч. обратил внимание на трех неизвестных ему лиц, находившихся в состоянии опьянения, которые вымогали деньги у пассажиров. Будучи в гражданской одежде, Ч. предъявил указанным лицам служебное удостоверение, потребовав прекратить приставание к гражданам и покинуть помещение буфета. В ответ на это один из указанных граждан попытался завязать драку, хватая Ч. за одежду. Однако при появлении Т., находившегося в форменной одежде, неизвестные покинули здание вокзала. Ч. и Т. вышли на привокзальную площадь, направляясь к служебному автомобилю. Услы-

¹ См.: Кузнецова Н. Ф. Состав преступления: спорные вопросы // Вестник Московского университета. – 1987. – № 4. – С. 27.

шав сзади себя шум, Ч. обернулся и увидел, что Т. избивают двое из числа тех лиц, которым он только что делал замечание в буфете. Пресекая противоправные действия неизвестных, Ч. нанес одному из них, как выяснилось впоследствии З., «останавливающий удар». Заметив, что на помощь к ним спешит третий участник инцидента в буфете, оказавшийся, как было установлено впоследствии, Ф., осознавая реальность угрозы, Ч. обнажил закрепленный за ним пистолет Макарова и предупредил нападавших о возможности применения оружия.

Предупреждение Ч. не возымело должного действия, и поэтому он произвел два предупредительных выстрела вверх. И на этот раз нападение прекращено не было. Видя, что Ф. продолжает, несмотря на предупреждение приближаться, Ч. произвел по нему прицельный выстрел в область брюшной полости, причинив менее тяжкие телесные повреждения¹.

Применение оружия в данном случае было признано правомерным. Действия посягавших были квалифицированы по ч. 2 ст. 206 УК РФ (1960 г.). Установление в действиях посягавших состава тяжкого преступления в данном случае стало решающим фактором при оценке правомерности действий сотрудников милиции.

Следует акцентировать внимание на том, что если имела место необходимая оборона от реальной угрозы непосредственного начала посягательства, то его общественная опасность должна определяться характером и опасностью того преступления, которое было пресечено.

Однако правоприменительная практика в большинстве случаев идет по другому пути. Органы следствия признают потерпевшими тех посягавших, которые в результате обороны получили телесные повреждения. Из числа исследованных нами уголовных дел о превышении пределов необходимой обороны и материалов об отказе в возбуждении уголовного дела на основании ст. 37 УК РФ, только в 16 % случаев действиям посягавших была дана юридическая квалификация.

Представляется, что такая практика не способствует правильному определению пределов правомерности необходимой обороны. Поскольку, при соотношении интенсивности посягательства и интен-

¹ См.: Мاستинский М. В., Семенов Д. Е., Юшкова Е. Ю., Юшков Ю. Н. Применение законодательства о необходимой обороне и превышении ее пределов (По результатам обобщения следственной и судебной практики) // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 83.

сивности защиты, первое должно выражаться изначально признаками конкретного состава преступления. Исключение могут составлять лишь случаи обороны от общественно опасных посягательств невменяемых и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. Ввиду отсутствия в их действиях признаков состава преступления они должны оцениваться только исходя из объективных признаков опасности посягательства.

В силу указанных обстоятельств представляется, что содержание интенсивности посягательства следует определять объективными и субъективными признаками, характеризующими его общественную опасность. К их числу относятся: 1) объекты и предметы, на которые посягает общественно опасное деяние; 2) деяние, размер грозящего или причиненного вреда, место, способ, орудия, средства и обстановка совершения преступления; 3) вина, мотив, цель; 4) субъект посягательства. Следует также отметить, что состав преступления не исчерпывает вопроса о круге системообразующих факторов общественной опасности деяния. Состав общественно опасного деяния лишь определенная, хотя и главная часть преступления. Последнее может охватывать и такие свои проявления, и сопутствующие обстоятельства, которые не являются существенными, типичными и постоянными для всего рода или вида подобных негативных явлений, но которые все же, если они фактически имеют место, могут оказывать известное влияние на конкретную степень общественной опасности данного конкретного посягательства¹.

Федеральный закон «О полиции» в ч. 3 ст. 19 прямо указывает, что «сотрудник полиции при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия действует с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяется физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления. При этом сотрудник полиции обязан стремиться к минимизации любого ущерба»².

Анализ практики применения ст. 37 УК РФ показывает, что при дание решающего значения при определении интенсивного предела обороны какому-либо одному признаку, характеризующему посяга-

¹ См.: Ляпунов Ю. И. Общественная опасность как универсальная категория уголовного права. М., 1989. С. 60.

² См.: Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7, ст. 900.

тельство или защиту, как правило, приводит к судебным-следственным ошибкам. Примером может служить следующее дело. Вечером 5 апреля 1992 г. Баженов, имея при себе табельное оружие револьвер системы «Наган», самовольно покинул пост и пришел в ресторан «Центральный» г. Тамбова. Вместе с находящимися в ресторане посетителями он танцевал. Во время очередного танца неустановленный следствием гражданин, находясь сзади Баженова, набросил ему на шею удавку и начал душить. Одновременно с этим кто-то завернул ему за спину левую руку, а другое неустановленное органом следствия лицо пыталось вытащить из кобуры револьвер. Препятствуя завладению оружием, Баженов дотянулся рукой до спускового крючка и с целью привлечения внимания работников милиции произвел выстрел в пол. Однако и после выстрела указанные лица не отказались от своего преступного намерения и продолжали удерживать его сзади. Баженову удалось вырвать револьвер у нападавших и освободиться от удавки.

В это время он увидел ранее незнакомого Дутова, который сделал атакующее движение в его сторону. Восприняв действия Дутова как продолжение преступного посягательства по завладению оружием, Баженов с близкого расстояния выстрелил ему в голову, причинив смертельное ранение¹. Приговором Ленинского районного народного суда г. Тамбова (оставленному без изменения решением Тамбовского областного суда) Баженов осужден по ст. 105 УК РСФСР 1960 г.

Заместитель председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене судебных решений в отношении Баженова и прекращении дела производством за отсутствием в его действиях состава преступления, считая, что Баженов находился в состоянии необходимой обороны и ее пределов не превысил.

Президиум Тамбовского областного суда 21 июня 1993 года протест удовлетворил по следующим основаниям. Признавая Баженова виновным в превышении пределов необходимой обороны, суд сослался на то, что средства защиты превышали средства нападения Дутова, поскольку в руках у потерпевшего ничего не было. С этим согласился и суд второй инстанции.

Между тем рассматривавшие настоящее дело суды не дали надлежащей оценки тому обстоятельству, что перед производством

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 1994. — № 5. — С. 14.

выстрела Дутов сделал угрожающее движение в направлении Баженова. По заключению судебно-медицинского эксперта, выстрел в Дутова мог быть произведен в упор или с дистанции, близкой к «упору», т. е. в тот момент, когда потерпевший находился в непосредственной близости от Баженова. В этих условиях действия Дутова Баженов воспринял как агрессивные, направленные не только на завладение оружием, но и на применение насилия, опасного для его жизни и здоровья, которому он только что подвергся со стороны нескольких лиц.

Таким образом, в данном случае причиной неправильной правовой оценки ситуации обороны явилось приращение решающего значения сравнению средств защиты и посягательства. Впоследствии правильный вывод о правомерности действий защищающегося был сделан лишь с учетом всех фактических обстоятельств дела, свидетельствующих о наличии в действиях посягавших особо тяжкого преступления.

В этом отношении полагаем целесообразным определить интенсивность посягательства с помощью системообразующих факторов его общественной опасности. В частности, основываясь на том, что состав преступления – это предусмотренная уголовным законом система существенных объективных и субъективных элементов и признаков преступления, образующих и характеризующих его общественную опасность¹, представляется обоснованным рассматривать содержание интенсивности посягательства через элементы и признаки конкретного состава преступления, содержащегося в действиях либо непосредственной угрозе посягавшего.

Это обстоятельство выдвигает на первый план Ю. Н. Юшков, полагающий, что указание на то, что необходимая оборона возможна от общественно опасного посягательства, использовано в общей форме лишь для текста закона. Что же касается применения его к конкретным ситуациям, то суды (равно как и следователи и прокуратура) должны указывать на совершенно определенное общественно опасное деяние, признаки которого усматриваются в действиях нападавшего, ибо в действительности не бывает общественно опасных деяний вообще, а есть только конкретные преступления, предусмотренные Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации².

¹ См.: Кузнецова Н. Ф. Состав преступления: спорные вопросы // Вестник Московского университета. – 1987. – № 4. – С. 27.

² См.: Юшков Ю. Н. и др. Применение законодательства о необходимой обороне и превышении ее пределов // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 85.

Таким образом, для наиболее полного определения интенсивности посягательства необходимо в каждом случае обороны давать юридическую квалификацию действиям либо угрозам посягавшего. Возможно, это изменит существующую практику, при которой согласно выборочным исследованиям, проведенным В. Л. Зуевым по делам рассматриваемой категории, субъекты уголовного судопроизводства в лучшем случае ограничиваются констатацией общественной опасности посягательства вообще (по 25 % уголовных дел судами и менее 10 % органами предварительного следствия и дознания)¹. Из числа исследованных уголовных дел о превышении пределов необходимой обороны и отказных материалов (по ст. 37 УК РФ) лишь в 1 % случаев действиям посягавших была дана юридическая квалификация. В целях позитивного решения данной проблемы представляется целесообразным предусмотреть обязанность правоохранительных органов квалифицировать деяния посягающих в специальном разъяснении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Противопоставляться интенсивности посягательства должна интенсивность защиты, юридическое содержание которой, на наш взгляд, следует определять через признаки, характеризующие необходимую оборону.

Важное значение имеет защищаемое благо, причиняемый в результате защиты вред, орудия, средства, время, место, способ и обстановка обороны. При этом оценку указанным признакам следует осуществлять с учетом их субъективного восприятия обороняющимся. Поскольку субъективный контроль при необходимой обороне характеризуется тем, что обороняющийся оценивает все объективные признаки, находясь в экстремальных быстротечных ситуациях незапности посягательства и вызванного им душевного волнения или даже аффекта.

Для правильной оценки субъективного состояния обороняющегося лица, как составляющего признака интенсивности защиты, важное значение имеет исследование криминогенных факторов, предшествующих ситуации необходимой обороны. Так, анализ конфликтной ситуации, предшествующей совершению акта необходимой обороны, показывает, что неблагоприятные внешние условия и другие обстоятельства, характеризующие данную ситуацию в значительной мере

¹ См.: Зуев В. Л. Необходимая оборона и крайняя необходимость. М., 1996. С. 19.

обуславливают выбор конкретного варианта поведения, оказывая решающее влияние на психику, сознание и волю защищающегося лица.

Поведение посягающего играет решающую роль в развитии процесса необходимой обороны. Преступное, провокационное, агрессивное, неспровоцированное поведение посягающего, по общему правилу, инициирует совершение оборонительных действий, что наряду с их целью объективно снижает интенсивность этих действий. Характерным при этом является тот факт, что личность оборонявшегося в целом в абсолютном большинстве случаев характеризуется более положительно, чем личность посягающего¹.

Таким образом, вышеизложенное предполагает следующие выводы: а) единым критерием (эталонном) оценки посягательства и защиты при определении пределов допустимого вреда необходимой обороны целесообразно признать их интенсивность; б) основными признаками, определяющими юридическое содержание интенсивности посягательства, надлежит считать признаки конкретного преступления, содержащегося в действиях либо непосредственной угрозе посягающего; в) юридическое содержание интенсивности защиты целесообразно определять через признаки, характеризующие необходимую оборону; г) в целом предел допустимого вреда необходимой обороны должен определяться путем соотношения интенсивности посягательства и защиты.

Однако определение критериев оценки посягательства и защиты для правильного установления интенсивного предела обороны недостаточно. Уголовный закон, указывая на «явность» несоответствия защиты и посягательства, не указывает на принцип, руководствуясь которым следует устанавливать соотношение их интенсивности. На уровне научного толкования были сформулированы два принципа: принцип соразмерности и принцип необходимости. Но вопрос о том, какой именно следует использовать при определении предела допустимого вреда обороны, в настоящее время остается дискуссионным. Не дают ответа на поставленный вопрос и акты судебного толкования.

¹ См.: Истомин А. Ф. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны (уголовно-правовые и криминологические аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 22–24.

Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 11 постановления от 27 сентября 2012 г. № 19 указал, что по смыслу закона под превышением пределов необходимой обороны следует рассматривать ситуации, когда оборонявшийся прибегнул к защите от посягательства, указанного в части 2 статьи 37 УК РФ, такими способами и средствами, применение которых явно не вызывалось характером и опасностью посягательства, и без необходимости умышленно причинил посягавшему тяжкий вред здоровью или смерть. При этом ответственность за превышение пределов необходимой обороны наступает только в случае, когда по делу будет установлено, что оборонявшийся осознавал, что причиняет вред, который не был необходим для предотвращения или пресечения конкретного общественно опасного посягательства.

Подобная непоследовательность не способствует единообразному применению законодательства, обеспечивающего право на защиту. Проведенный нами анализ уголовных дел о превышении пределов необходимой обороны впоследствии прекращенных на основании ст. 37 УК РФ, решения по которым опубликованы в Бюллетенях Верховных Судов в период с 1977 по 2009 гг., показал, что в 68 % дел первоначально вывод о превышении пределов обороны был сделан на основании принципа необходимости, а по остальным на основании отсутствия соразмерности между защитой и посягательством. Характерно, что впоследствии судами вышестоящей инстанции правильное решение о наличии в действиях защищавшихся правомерной обороны было сделано на основании принципа соразмерности в 86 % дел, и лишь по 14 % дел делалась ссылка на принцип необходимости.

Сущность принципа необходимости в общем заключается в том, что могут быть оправданы только такие меры обороны, в результате которых причиняется вред, достаточный для пресечения посягательства. Этот принцип в специальной литературе именуется «принципом разумной необходимости».

На необходимость его использования при применении ст. 37 УК РФ указывает И. С. Тишкевич, отмечая, что критерием правомерности защиты должна быть необходимость и достаточность тех или иных мер для отражения нападения при данных конкретных обстоятельствах с учетом степени опасности посягательства и имеющихся в распоряжении обороняющегося средств и возможностей защиты¹.

¹ См.: Тишкевич И. С. Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969. С. 81.

Вместе с тем указанный принцип в значительной мере подвержен субъективному влиянию. При его использовании для определения пределов обороны нельзя дать точных рекомендаций. В каждом конкретном случае следователь или судья, исходя из собственных представлений о необходимости причинения того или иного вреда, должен оценивать правомерность защиты. Между тем как необходимая оборона, так и превышение ее пределов – объективные категории, и их наличие не может зависеть от чьего бы то ни было усмотрения.

Принципом, обладающим такими положительными качествами, как определенность, лаконичность и доступность к восприятию, является принцип соразмерности. Характерным является то, что именно на основании этого принципа построено законодательство, регулирующее интенсивный предел обороны ряда зарубежных стран (США, Франции, Индии, Канады).

Принцип соразмерности занимал господствующее положение и в доктрине дореволюционного российского уголовного права. Так, Н. С. Таганцев указывал, что при определении пределов правомерности защиты следует придавать основополагающее значение «соотношению размера защиты с размерами нападения»¹. В теории послереволюционного российского уголовного права принцип соразмерности также был превалирующим. По-разному определялись лишь признаки, подлежащие оценке.

М. Д. Шаргородский, определяя границы защиты, использует принцип соразмерности, однако в качестве ее критериев выделяет два обстоятельства: 1) отсутствие «резкого несоответствия между угрожавшей опасностью и причиненным нападавшему вредом» и 2) соответствием интенсивности защиты интенсивности нападения².

Буквальное, логическое толкование ч. 2 ст. 37 УК РФ говорит о том, что, признавая превышением пределов необходимой обороны лишь умышленные действия, «явно не соответствующие характеру и степени опасности посягательства», закон имеет в виду не что иное, как несоразмерность³ определенных признаков, характеризующих посягательство и защиту.

¹ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 1. М., 1994. С. 120.

² См.: Шаргородский М. Д. Вина и наказание в советском уголовном праве. М., 1945. С. 17.

³ Соразмерность – это соответствие какой-нибудь мере, соответствие чему-нибудь. См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 650.

Таким образом, представляется, что при определении пределов допустимой обороны следует руководствоваться принципом соразмерности. В целом, учитывая все вышеизложенное, полагаем, что предел допустимого вреда защиты следует определять на основе установления определенной соразмерности между всеми признаками, характеризующими интенсивность посягательства и защиты.

Однако для решения вопроса о пределах правомерности обороны недостаточно установить признаки, составляющие содержание интенсивности посягательства и защиты, а также принцип их сравнения. Необходимым является определение степени правомерного несоответствия и степени уголовно-наказуемого несоответствия интенсивности посягательства и защиты.

Так, основываясь на положениях закона, устанавливающего, что «превышением пределов необходимой обороны являются умышленные действия, явно не соответствующие характеру и степени опасности посягательства», по степени можно выделить два вида несоответствия, имеющие разное уголовно-правовое значение. Это простое и явное несоответствия защиты и посягательства.

Следовательно, оценивая пределы правомерности необходимой обороны, следует устанавливать одно из двух обстоятельств: имело ли место несоответствие интенсивности посягательства и защиты, либо было допущено явное несоответствие интенсивности защиты и посягательства. В первом случае оборона будет правомерной, во втором – имеет место превышение пределов необходимой обороны.

Представляется, что несоответствие защиты и посягательства будет в том случае, если имела место несоразмерность каких-либо отдельных признаков, составляющих юридическое содержание интенсивности посягательства и защиты. Таковыми, как было определено ранее, следует признавать: охраняемое благо и благо, которое подвергается угрозе посягательства; угрожаемый вред и вред, причиненный в результате обороны; способы и средства посягательства.

Явное несоответствие защиты и посягательства, на наш взгляд, может иметь место только при несоразмерности всех признаков, составляющих содержание интенсивности защиты и посягательства.

Приведенный механизм определения интенсивного предела правомерности необходимой обороны основан на буквальном толковании положений уголовного закона. Поскольку законодатель, предусматривая ответственность за превышение пределов необходимой обороны, указал на «явность» несоответствия защиты и посягатель-

ства. «Явность» в русском языке понимается как что-то «совершенно очевидное, бесспорное». Проекция этого определения в область определения пределов допустимости необходимой обороны может означать, что явное несоответствие защиты характеру и степени опасности посягательства может иметь место только при несоразмерности всех признаков, составляющих содержание интенсивности посягательства и защиты. Так как при соответствии хотя бы одного необходимой очевидности и бесспорности уже не будет.

Представляется, что подобный подход, конкретизируя объективные критерии, принцип и механизм определения пределов допустимой защиты, существенно сужает рамки субъективного усмотрения правоприменителя, при отграничении необходимой обороны от превышения ее пределов и тем самым снижает вероятность ошибок при применении нормы, регламентирующей необходимую оборону.

Сформулированный механизм определения несоответствия и явного несоответствия интенсивности посягательства и защиты также соответствует субъективному пониманию признака «явности». В частности, он предполагает осознанное восприятие субъектом объективных признаков совершаемого им деяния, делающего его очевидно (бесспорно) несоразмерным посягательству. Такое понимание субъективного аспекта признака «явности» в юридической литературе является общепризнанным¹. При раскрытии субъективного содержания указанного признака следует учитывать, что любое посягательство весьма сильно возбуждает психику обороняющегося, выводит ее из равновесия. «Серьезные искажения в связи с этим обстоятельством могут происходить в субъективном образе происходящего противоборства. Эти искажения в восприятии касаются намерений и целей противника, результатов его действий, деструктивная сила которых может значительно преувеличиваться»².

Находясь в таком состоянии, в относительно непродолжительный промежуток временных границ защиты, обороняющийся далеко не во всех случаях способен подвергнуть субъективной оценке все признаки, характеризующие интенсивность посягательства, и избрать им соразмерные. Это обстоятельство отмечает и Пленум Верховного Суда

¹ См.: Волков Б. С. Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968. С. 143; Кириченко В. Ф. Курс советского уголовного права. М., 1971. С. 47; Побегайло Э. Ф., Ревин В. П. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности органов внутренних дел. М., 1987. С. 38 и ряд других.

² Юридическая конфликтология. М., 1995. С. 49.

Российской Федерации, указывая в постановлении от 27 сентября 2012 г. № 19: «Судам следует иметь в виду, что обороняющееся лицо из-за душевного волнения, вызванного посягательством, не всегда может правильно оценить характер и опасность посягательства и, как следствие, избрать соразмерные способ и средства защиты».

В этом отношении представляется, что предложенный механизм определения явного несоответствия защиты и посягательства, как несоответствия всех объективных признаков, составляющих содержание интенсивности посягательства и защиты, учитывает психическое состояние обороняющегося лица. Это обосновывается тем, что защищающемуся достаточно определить какой-либо один, по его представлению, наиболее опасный признак посягательства и избрать соразмерный ему способ защиты.

При этом другие признаки им в расчет могут не приниматься, поскольку если имеется хотя бы один признак интенсивности защиты, соразмерный соответствующему признаку посягательства, то явного несоответствия защиты и посягательства уже объективно существовать не должно.

Обоснованность данного вывода подтверждается судебной практикой, опубликованной в бюллетенях Верховных Судов СССР и РФ за период 1970–2009 гг. Анализ уголовных дел, квалифицированных как превышение пределов необходимой обороны и впоследствии прекращенных на основании ст. 37 УК РФ (ст. 13 УК РСФСР), показывает, что основной причиной ошибок послужило придание решающего значения какому-либо одному объективному признаку интенсивности защиты, который являлся несоответствующим признаку интенсивности посягательства. Однако впоследствии вышестоящие суды, установив в таких делах наличие хотя бы одного признака защиты, соразмерного с соответствующим признаком посягательства, прекращали такие дела за отсутствием состава преступления.

Используя указанный механизм определения интенсивного предела необходимой обороны, можно выделить определенный круг посягательств, характеризующихся такими признаками, противопоставить которым защищающийся может только соразмерные. Следовательно, защищаясь от таких посягательств, обороняющийся объективно не может превысить пределы необходимой обороны.

В определенной степени подобную позицию отстаивают и ученые-криминалисты, предлагающие определить интенсивный предел

обороны, исходя из общественной опасности конкретных видов посягательств. Так, В. И. Ткаченко считает, что следует признавать оборону правомерной независимо от степени причиненного вреда посягающему в случаях, если имело место «покушение на убийство, изнасилование, бандитизм, разбойное нападение, хулиганство с применением оружия, захват заложников, похищение человека, похищение чужого имущества в крупном размере»¹.

Е. И. Бахтерова полагает, что при обороне от насильственных посягательств, создающих угрозу причинения смерти или тяжкого вреда здоровью, возможно причинение нападающему любого вреда. Насильственные посягательства на половую свободу или неприкосновенность, по ее мнению, учитывая их физические и моральные последствия, соизмеримы с посягательством на жизнь, и поэтому при обороне от подобных посягательств лишение нападающего жизни не будет чрезмерным².

С. И. Никулин указывает, что с позиции нравственности вполне обоснованно снять всякие ограничения в использовании права на необходимую оборону при защите как самого себя, так и третьих лиц при нападении, непосредственно угрожающем жизни причинением тяжкого телесного повреждения, а также вооруженном или сопряженном с проникновением в жилище или иное обитаемое помещение³.

Анализ приведенных точек зрения позволяет сделать вывод о том, что во всех случаях в качестве критериев определения посягательств, от которых может быть допустима оборона путем причинения любого вреда посягающему, указанные авторы выделяют конкретные признаки, составляющие содержание интенсивности посягательств. При этом выделяются такие признаки посягательства, которым противопоставить при защите можно только соразмерные. В частности, допускается причинить посягающему вред любой степени тяжести, если посягательство было сопряжено с угрозой причинения смерти или тяжкого вреда здоровью. Насильственное проникновение в жилище также, как правило, сопряжено с угрозой возникновения посягатель-

¹ Ткаченко В. И. Необходимая оборона // Законность. – 1997. – № 3. – С. 28.

² См.: Бахтерова Е. И. Превышение пределов необходимой обороны: проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 25.

³ См.: Никулин С. И. Этико-нравственный аспект совершенствования уголовного законодательства. М., 1994. С. 20.

ства, опасного для жизни и здоровья. При вооруженном нападении все применяемые при защите орудия и средства не могут быть несоответствующими. Трактовка данной позиции, согласно предложенному механизму определения несоответствия и явного несоответствия защиты характеру и степени общественной опасности посягательства, означает: при обороне от указанных посягательств превышения пределов необходимой обороны быть не может.

В этом отношении лишь частично верным является замечание И. С. Тишкевича относительно того, что «возможны отдельные случаи, когда и при защите от тяжких преступлений нет необходимости, например, причинять смерть посягающему, а можно обойтись более мягкими средствами и причинить ему телесные повреждения. Все зависит от интенсивности посягательства, обстановки, в которой приходится защищаться, и соотношения сил обороняющегося и нападающего»¹.

В данном случае справедливо отмечено, что при защите от посягательств, создающих угрозу жизни и здоровью, иногда бывает достаточным причинить вред меньший, чем лишение жизни посягающего. Однако закон не может предусмотреть правила поведения для каждого конкретного случая обороны. Он устанавливает лишь предельно допустимый вред защиты, который обосновывается характером и степенью общественной опасности отдельных видов посягательств. При этом все издержки реализации права гражданина на необходимую оборону следует возлагать на лицо, которое спровоцировало такую ситуацию. Такое профессиональное (судебное) толкование будет вполне отвечать общежитейскому пониманию института необходимой обороны и нравственным воззрениям общества².

Полагаем, что в перспективе вопрос о более четкой конкретизации пределов правомерности необходимой обороны должен быть решен на законодательном уровне. В уголовно-правовой литературе отмечается, что определенная подвижка в этом направлении могла быть осуществлена при переходе к так называемой перечневой (казуальной) системе определения интенсивного предела необходимой обороны³.

¹ Тишкевич И. С. Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969. С. 102.

² См.: Наумов А. В. Уголовное право. Курс лекций. Часть общая. М., 1996. С. 341.

³ См.: Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб., 2008. С. 817.

Использование перечневой системы было свойственно и для дореволюционного уголовного законодательства России. Так, в ст. 107 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. закреплялись следующие положения: «При необходимой личной обороне употребление силы и каких бы то ни было мер для отражения нападения, равно и нанесение, притом нападающему, ран, увечья и самой смерти не вменяется в вину, когда от нападения, действительно подвергались опасности жизнь, здоровье или свобода оборонявшегося, или же нападение сделано вором или разбойником, или нападающий вторгнулся с насилием в жилище оборонявшегося. Необходимость обороны признается также и в случае, когда застигнутый при похищении или повреждении какого-либо имущества преступник силою противился своему задержанию или прекращению начатого им похищения или повреждения»¹. Ст. 109 регламентировала оборону со стороны женщины против посягающего насильственно на ее целомудрие и честь².

Анализ процитированных норм Уложения показывает, что оборона при причинении любого вреда посягающему признается необходимой, если осуществляется защита жизни, здоровья, свободы, неприкосновенности жилища, целомудрия женщин.

При обороне же имущества допускалось причинить любой вред посягающему, если имело место: а) нападение, совершаемое вором или разбойником; б) нападающий вторгся с насилием в жилище обороняющегося; в) застигнутый при повреждении или похищении какого-либо имущества преступник силою противился своему задержанию или прекращению начатого им похищения или повреждения.

Представляется, что использование подобного способа построения нормы, устанавливающей интенсивный предел правомерности необходимой обороны, несомненно, создаст дополнительные гарантии для граждан, реализовавших свое право необходимой обороны.

В этой связи лишь отчасти можно положительно оценить изменения, внесенные в ст. 37 УК РФ Федеральным законом от 14 марта 2002 г., которые констатировали, что оборона является правомерной при причинении любого вреда посягающему, но лишь, когда «посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой приме-

¹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. М., 1988. С. 195.

² См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. М., 1988. С. 164.

нения такого насилия». Положительным является тот факт, что данное законодательное положение предопределяет, что правоприменители при квалификации необходимой обороны прежде всего должны анализировать не поведение обороняющегося, а признаки деяния, совершенного посягающим. В случае признания этого деяния опасным для жизни обороняющегося или других лиц либо его сопряженности с непосредственной угрозой применения такого насилия, вопрос о возможности превышения пределов правомерности не рассматривается.

Вместе с тем отчасти следует согласиться с Э. Ф. Побегайло, указывающим, что поступив так, законодатель в значительной степени ослабил защиту таких важных для человека и общества благ, как безопасность здоровья, личная свобода и неприкосновенность, собственность, общественный порядок и спокойствие, неприкосновенность жилища, общественная безопасность и пр.¹ Действительно, при рассмотрении в судах подобных случаев акцент логически переносится на превышение пределов обороны. В связи с этим обоснованным является предложение о расширении на законодательном уровне перечня посягательств, обороняясь от которых можно причинить любой вред посягающему.

¹ См.: Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб., 2008. С. 817.

§ 3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ МНИМОЙ ОБОРОНЫ

В теории уголовного права высказано мнение, что сам термин «мнимая оборона» является неточным, поскольку в подобных ситуациях «действия лица, направленные на пресечение посягательства и заключающиеся в причинении вреда, вполне реальны, а воображаемым, кажущимся является как раз посягательство»¹. По этой причине некоторые ученые отмечают, что речь должна идти не о «мнимой обороне», а об «обороне от мнимого посягательства»².

Вряд ли будет правильным согласиться с изложенным мнением, поскольку едва ли стоит ставить под сомнение, что понятие «оборона» самым тесным образом связано с понятием «посягательство». При мнимой обороне, безусловно, имеет место добросовестное, вполне реальное в субъективном смысле стремление лица защитить охраняемые уголовным законом общественные отношения, однако указанное обстоятельство никоим образом не свидетельствует и не позволяет судить о реальности обороны в собственном смысле слова, которая лишь в представлении конкретного лица таковой являлась. В данном случае лицо лишь выдает желаемое за действительное. Поэтому, собственно, термин «оборона» и используется вместе с качественным «мнимая». Перенос «мнимый» и постановка его в отношении категории «посягательство», с одной стороны, учитывает преобладающий доктринальный подход в определении природы данного правового явления, но с другой стороны, позволяет заключить, что оборона возможна и в том случае, когда собственно никакого посягательства не было, а это противоречит прямому значению этого понятия.

До настоящего времени нельзя однозначно утверждать, что категория мнимой обороны четко определена наукой уголовного права. Так, Н. Н. Паше-Озерский мнимую оборону определял как «оборону против воображаемого, кажущегося, но в действительности (объек-

¹ Юсупов Р. М. Оборона от мнимого посягательства // Вестник Московского университета МВД России. – 2003. – С. 47.

² См., например: Ткаченко В. И. Теоретические основы необходимой обороны и квалификации преступлений, совершенных при превышении ее пределов : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1982. С. 290; Халиков К. Необходимая оборона по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1970. С. 18.

тивно) несуществующего посягательства, то есть результат ошибки»¹. З. Г. Алиев данное правовое явление предлагает рассматривать как психическое отношение лица к своему деянию (действию или бездействию) и его последствиям, имеющее в интеллектуальном и (или) волевом моменте порок, обусловленный заблуждением, то есть неправильной интерпретацией юридического факта либо неправильной оценкой поведения другого лица как общественно опасного посягательства на охраняемые законом права и интересы, связанного с причинением вреда такому лицу либо с угрозой причинения такого вреда².

В онтологическом смысле мнимая оборона может быть истолкована как закономерное следствие взаимодействия такой исторически сложившейся общественно полезной практики, как необходимая оборона, и той особенности любого человека, суть которой еще в древности выразил римский ритор Марк Анней Сенека: «Errare humanum est» (человеку свойственно ошибаться). При этом по существу содержание мнимой обороны составляет совокупность двух ошибок: гносеологической и аксиологической. Ошибка мнимо обороняющегося в положительной оценке совершаемых им действий обусловлена ошибкой в восприятии конкретных фактических обстоятельств.

Общепринятое в теории уголовного права разделение ошибок на фактические и юридические сразу обуславливает постановку вопроса о возможности юридической ошибки, составляющей содержание мнимой обороны. Допустим, лицо, осуществляя защиту принадлежащего ему имущества, добросовестно полагало, что уголовный закон позволяет ему причинить любой вред нападающему без какого-либо ограничения. Имеет место субъективное убеждение личности, как известно, не отвечающее содержанию ст. 37 УК РФ. Недостаточное знание закона порождает у лица уверенность в правомерности своего поведения. Как представляется, нет и не может быть веских аргументов для признания подобного заблуждения должным основанием для защиты от уголовного преследования с ссылкой на мнимую оборону. В противном случае

¹ Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. С. 100.

² Алиев З. Г. Квалификация при фактической ошибке в случае мнимой обороны // Российское право в интернете. – 2007. – № 1. URL: http://rpi.msal.ru/prints/200701crim_law2.

открывается обширное пространство для многочисленных злоупотреблений, выявление которых будет почти невозможным в практическом смысле.

В доктрине уголовного права мнимая оборона традиционно раскрывается как ошибка лица относительно действительности посягательства. Вместе с тем обоснованно был поставлен вопрос, правильно ли раскрывать сущность мнимой обороны, руководствуясь исключительно этим признаком. Так, В. И. Ткаченко содержание мнимой обороны раскрывал путем выделения ошибки относительно самого факта посягательства, личности нападавшего, наличности посягательства¹.

В свою очередь М. И. Якубович последовательно обосновывал, что мнимая оборона возможна и в том случае, когда лицо заблуждается относительно характера и степени общественной опасности посягательства².

Справедливой представляется точка зрения Л. Шуберта, который писал, что ошибка лица, составляющая содержание мнимой обороны, может относиться не только к существованию нападения, но и к направленности нападения (на жизнь или имущество), к неправильно понятой соразмерности защиты или к употреблению при защите жизни более интенсивного средства обороны, чем это вызывалось необходимостью, а также к наличию нападения (защищающийся может ошибочно предполагать, что нападающий будет продолжать посягательство, то есть имеется реальная угроза продолжения нападения)³. Вряд ли следует ставить под сомнение, что каждое из указанных выше условий может выступать предметом ошибочного представления лица, действующего в состоянии мнимой обороны.

Отметим, что наиболее критически в отечественной теории уголовного права было оценено предложение относить к мнимой обороне ошибку в характере и степени общественной опасности пося-

¹ См., например: Ткаченко В. И. Теоретические основы необходимой обороны и квалификации преступлений, совершенных при превышении ее пределов : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1982. С. 293; Ткаченко В. И. Ответственность за вред, причиненный при мнимой обороне // Советская юстиция. – 1969. – № 21. – С. 11.

² Якубович М. И. Вопросы теории и практики необходимой обороны. М., 1961. С. 156.

³ Шуберт Л. Об общественной опасности преступного деяния // Социалистическая законность. – 1973. – № 12. – С. 78.

гательства. В частности, Т. Г. Шавгулидзе, рассматривая дискуссионный пример из судебной практики, указывал: «...работник милиции оборонялся не от мнимого, а от реального нападения, но ошибался в орудии нападения, что и обусловило ошибку в оценке интенсивности нападения. Работник милиции считал нападение более интенсивным, чем оно было в действительности. Но такая ошибка не может превратить реальное нападение в мнимое»¹.

Вряд ли можно согласиться с представленной точкой зрения. При наличии ошибки в интенсивности нападения лицо обороняется не от объективно существующего посягательства, которого в его сознании просто нет, а от нападения «мыслимого», в соответствии с «общественной опасностью», для которого оно и избирает необходимые меры защиты. Наличие действительного посягательства, безусловно, служит должным основанием, чтобы судить о возникновении права необходимой обороны. Однако с того момента, когда лицо в своем сознании, в силу объективных тому предпосылок, создало образ посягательства совершенно иного по своей интенсивности и стало осуществлять от него «соразмерную защиту», вряд ли стоит утверждать о реализации права необходимой обороны, поскольку в данном случае она уже несколько не необходима. Имевшее место реальное посягательство должно рассматриваться лишь как один из элементов всей сложившейся обстановки, который в совокупности с другими обстоятельствами вызвал заблуждение, составляющее содержание мнимой обороны.

Т. Г. Шавгулидзе, обращаясь к вопросу юридической оценки действий, совершенных под влиянием заблуждения в интенсивности нападения, все же признавал, что в таком случае лицо должно быть освобождено от уголовной ответственности вследствие отсутствия вины в превышении пределов необходимой обороны².

Вместе с тем в соответствии с обозначенной позицией адекватная правовая оценка поведению лица дана быть не может, поскольку автоматически исключается возможность выяснения вопроса об умышленном причинении чрезмерного вреда, не обусловленного необходимостью отражения даже предполагаемого лицом посягательства. Это не совсем оправданно. Сама же постановка вопроса об ответственности за подобное превышение возможна лишь в контек-

¹ Шавгулидзе Т. Г. Необходимая оборона. Тбилиси, 1966. С. 153.

² Там же.

сте мнимой обороны. Вряд ли стоит ставить под сомнение, что лицо, допустим, добросовестно заблуждаясь в характере и опасности посягательства, может совершить умышленные действия, заведомо для него не связанные с субъективно воспринятой опасностью, руководствуясь мотивами мести, расправы и т. д. Поэтому необходимо говорить не просто об исключении ответственности лица за превышение пределов необходимой обороны, а именно о мнимой обороне, вопрос установления которой всегда сопряжен с правовой оценкой предпринятых мер защиты.

Следует отметить, что ситуация, связанная с ошибкой в орудии нападения, в настоящее время частично урегулирована Федеральным законом «О полиции». Так, Федеральный закон «О полиции», установив в п. 6 ч. 1 ст. 23 одним из оснований применения огнестрельного оружия случаи отражения вооруженного нападения, в ч. 2 ст. 23 дает определение вооруженного нападения, под которым предлагается понимать нападение, совершаемое с использованием оружия любого вида, либо предметов, конструктивно схожих с настоящим оружием и внешне неотличимых от него¹. Очевидная ценность данного нормативного положения заключается в том, что закон устанавливает более серьезные правовые гарантии для сотрудников полиции при применении огнестрельного оружия в случае возможной ошибки в оценке того или иного предмета как оружия. Совершенно естественно, что такая ошибка порождает у сотрудника полиции ложное представление о наличии посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни или здоровья, и в связи с этим ошибочное суждение о допустимости принятия таких мер, как применение огнестрельного оружия.

Системное толкование положений Федерального закона «О полиции», позволяет утверждать, что действия сотрудника полиции будут признаны правомерными только лишь в случае установления того обстоятельства, что на момент применения огнестрельного оружия сложившаяся обстановка давала достаточные основания полагать, что имело место реальное общественно опасное посягательство с применением оружия, и сотрудник полиции не осознавал, не должен был и не мог осознавать ошибочности своего убеждения.

¹ См.: Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7, ст. 900.

Косвенно данный вывод подтверждается разъяснением, сформулированным Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», согласно которому, если лицо лишь демонстрировало оружие или угрожало заведомо негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия, например макетом пистолета, игрушечным кинжалом и т. п., не намереваясь использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья, его действия (при отсутствии других отягчающих обстоятельств) с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена ч. 1 ст. 162 УК РФ, либо как грабеж, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия¹. Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации вполне определенно указал на зависимость окончательного вывода по квалификации действий виновного от особенностей восприятия самим потерпевшим характера и степени опасности выраженной угрозы применения насилия.

Как представляется, установление того обстоятельства, что сотрудник полиции, применивший огнестрельное оружие, заведомо осознавал, что ему или другим лицам угрожают негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия, позволит признать такие действия неправомерными. Использование лицом «предметов, конструктивно схожих с настоящим оружием и внешне неотличимых от него» выступает не как самостоятельное основание применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия, а имеет значение в разрешении вопроса о формировании у сотрудника полиции добросовестного заблуждения в наличии реального нападения, совершаемого с использованием оружия, то есть посягательства опасного для жизни или здоровья.

Возвращаясь к вопросу о содержании ошибки при мнимой обороне, необходимо отметить, что в теории уголовного права обоснована позиция о скрытой бланкетности нормы о необходимой обороне, поскольку в настоящее время есть ряд законов, которые дополнительно конкретизируют основания причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны². Так, например, правила применения со-

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 2. – С. 7.

² См., например: Наумов А. В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. – 2002. – № 7. – С. 38–39.

трудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия отдельно регламентируются Федеральным законом «О полиции»¹. В связи с этим, исходя из особенностей субъекта, причиняющего вред, можно выделить специальную мнимую оборону, которая имеет место при ошибке лица относительно реальности оснований применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, которыми оно специально наделено в соответствии с положениями административного законодательства, по своему содержанию конкретизирующих право необходимой обороны, регламентированное ст. 37 УК РФ. Так, наряду с посягательством, сопряженным с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, в качестве оснований применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия в ст. 23 Федерального закона «О полиции», названы случаи «пресечения попытки завладения огнестрельным оружием, транспортным средством полиции, специальной и боевой техникой, состоящими на вооружении (обеспечении) полиции», «отражения группового или вооруженного нападения на здания, помещения, сооружения и иные объекты государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций и граждан», «пресечения побега из мест содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений или побега из-под конвоя лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, лиц, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, лиц, осужденных к лишению свободы, а также для пресечения попытки насильственного освобождения указанных лиц»². Следовательно, при разрешении вопроса о наличии извинительной мнимой обороны в действиях сотрудника полиции, применившего огнестрельное оружие, достаточно установить добросовестное заблуждение относительно хотя бы одного из указанных оснований его применения, специально предусмотренных Федеральным законом «О полиции» и по существу конкретизирующих общие основания права необходимой обороны, вытекающие из содержания ст. 37 УК РФ.

В качестве примера подобного рода специальной мнимой обороны можно привести следующий случай из судебно-следственной практики, ранее неоднократно обсуждавшийся в теории уголовного права. Находясь в нетрезвом состоянии, Войтюк и Заика ошибочно приняли

¹ См.: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7, ст. 900.

² Там же.

чистившего у дороги мотоцикл инспектора ГАИ Силенко за своего товарища, с которым они ранее служили в армии. Надумав «пошутить», они подошли к работнику милиции и потребовали передать ключи от служебного мотоцикла и табельное оружие. В ответ Силенко вынул из кобуры пистолет, немного отступил, быстро привел оружие в боевое положение и без предупреждения произвел выстрел в наступавшего на него с ножом человека. Войтюк крикнул: «Толя, это не он!» – и, испугавшись выстрела, стал убегать, а раненный в живот Заика упал возле мотоцикла.

Действительно, обстановка происшествия свидетельствовала в данном случае о том, что Силенко не осознавал, а также не должен был и не мог понимать ошибочности своего предположения о наличии общественно опасного посягательства. Фактическая ошибка Силенко, в данном случае, исключает как умышленную, так и неосторожную вину за причинение вреда здоровью Заики¹.

В целом мнимую оборону можно определить как деяние, причинившее вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, совершенное с целью защиты прав личности, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, несуществующего в действительности, ошибочное представление о реальности которого у лица возникло, исходя из сложившейся обстановки происшествия.

Очевидно, что мнимая оборона, прежде всего, выступает следствием проявления человеческой субъективности. Подобного рода заблуждение отличает способность и возможность получения правильного, верного знания. Она не необходима для других лиц, и, следовательно, отдельная личность в той или иной мере ответственна за указанную ошибку. Степень ответственности в свою очередь выступает мерилем любой иной ответственности лица, в том числе и уголовной.

Вместе с тем содержание мнимой обороны не может составлять не подкрепленное никакими объективными основаниями, ложное представление лица об опасности. Если состояние правомерной обороны обусловлено необходимостью защиты от реального посягательства, то суть мнимой обороны заключена в специфической обстановке, которая объективно могла вызвать подобного рода ошибку. Заблужде-

¹ Пример приведен по: Куц Н. Т. Основания и порядок применения огнестрельного оружия работниками органов внутренних дел. Киев, 1976. С. 15–16.

ние, явившееся продуктом исключительно воображения личности, даже при условии самой откровенной веры лица в истинность своей «голой» фантазии, не может и не должно оправдывать его поведение. Такие действия не имеют никакого отношения к мнимой обороне и с субъективной стороны должны квалифицироваться как умышленные преступления. В данной связи представляется обоснованной позиция А. А. Арямова, согласно которой «не спровоцированное насилие, вызванное исключительно повышенной мнительностью квази-обороняющегося при отсутствии реальных признаков нападения, когда с точки зрения обыкновенного разумного человека в конкретной обстановке ничего не предвещало нападения, должно оцениваться как умышленное преступление на общих основаниях»¹. Поэтому представляется небезынтересным следующий пример из судебной практики. Работник милиции Афонюшкин был командирован в Полтавскую область. На станции, где он вечером сошел с поезда, местные жители рассказали ему, что в лесу, через который ему предстояло идти, действует группа грабителей. Когда Афонюшкин проходил лесом, впереди показалась фигура человека, которого он принял за грабителя. Афонюшкин предложил шедшему остановиться и произвел предупредительный выстрел. Однако движение продолжалось. Афонюшкин произвел прицельный выстрел из пистолета, в результате чего убил глухую шестидесятилетнюю Кузьменко, которая шла на станцию².

Обстоятельства события, в особенности действия самой потерпевшей, не создавали обстановки кажущегося нападения. Причинение вреда в данном случае только лишь из страха, что называется, «на всякий случай», было допущено без достаточных тому оснований и должно рассматриваться как умышленное преступление.

Рассмотрение мнимой обороны как следствия человеческой субъективности, безусловно, верно. Однако следует признать, что проблема формирования ложного знания не исчерпывается представленной выше концепцией. Ложное знание, неверное убеждение лица в действительности общественно опасного посягательства при мни-

¹ Арямов А. А. Правомерное причинение вреда. Челябинск, 2004. С. 74.

² Пример приведен по работе: Куц Н. Т. Уголовная ответственность за причинение вреда при мнимой обороне // Материалы теоретической конференции по итогам научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава за 1971 год. – Киев, 1972. – С. 134.

мой обороне не только продукт человеческой субъективности, но и проявление объективно непреодолимых трудностей в познании.

В контексте определения состояния мнимой обороны вышеуказанные положения имеют непосредственное теоретическое и практическое значение. Уверенность в реальности общественно опасного посягательства есть не только восприятие поведения конкретного человека, но и всегда предположение относительно его намерений, поскольку, как известно, человеческая субъективность проявляется в человеческой деятельности. Вместе с тем воспринятая подобным образом сторонним наблюдателем она, безусловно, может существенно отличаться от своего истинного содержания. Необходимо отметить, что подобная невозможность проникновения в чувства и помыслы конкретного лица и может порождать соответствующее ложное знание, составляющего содержание мнимой обороны.

Впоследствии потерпевший может раскрыть свои истинные намерения, объяснить свое поведение, ранее принятое за посягательство, что существенным образом изменит оценку тех или иных обстоятельств. Однако подобное несколько не устраняет адекватность, относительную истинность знания мнимо обороняющегося лица, которое ранее не только не располагало указанной информацией, но и не могло ей располагать. Совершенно очевидно, что мнимо обороняющийся в сознании не составил той картины, которая бы полностью отражала объективную реальность, но лишь по той причине, что на тот период времени сама реальность для него была возможна лишь в подобной форме.

Следовательно, можно заключить, что подобного рода ошибка, составляющая содержание мнимой обороны, не связана с искажением отображаемого предмета в сознании личности, она принципиально не может быть объяснена с указанных позиций. Ее суть кроется не в искажении отображения на определенном уровне познания, а в непреодолимой ограниченности полученного отображения, которое следует принять как данность, учитывая, что оно порождается сложностью самого познавательного процесса. Принимая во внимание неистинность полученного отображения, необходимо констатировать, что незнание того, что принципиально не могло быть познанным в определенный период времени не должно быть поставлено в вину личности.

Обращаясь к вопросу квалификации случаев мнимой обороны, необходимо отметить следующее. Известно, что пробелы в законодательстве неизбежно заставляют правоприменителя прибегать к юри-

дическим фикциям, искать решения правовых проблем по существу в аналогии закона, скрытой за сложными юридическими конструкциями. В полной мере такое положение вещей относится к характеристике правил квалификации случаев мнимой обороны.

В действующем ныне уголовном законодательстве отсутствует специальная норма, регламентирующая основания ответственности за причинение вреда в состоянии мнимой обороны. Таким образом, уголовный закон не дает ответа на практически важные вопросы: на каком основании и при каких условиях лицо, действующее в состоянии мнимой обороны, не подлежит уголовной ответственности и за что, на каком основании и в каком объеме это лицо должно нести ответственность за причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Рекомендации по данным вопросам выработал Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который в своем постановлении от 27 сентября 2012 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъяснил, что суды должны различать состояние необходимой обороны и состояние мнимой обороны, когда отсутствует реальное общественно опасное посягательство и лицо ошибочно предполагает его наличие. В тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны. При этом лицо, превысившее пределы защиты, допустимой в условиях соответствующего реального посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, или с непосредственной угрозой применения такого насилия, подлежит ответственности за превышение пределов необходимой обороны.

Хотелось бы обратить внимание, что предложенный правовой механизм юридической оценки мнимой обороны в большинстве случаев в силу объективных тому причин не находит своей реализации на практике.

Норма о необходимой обороне не содержит той совокупности признаков, которые составляют сущность мнимой обороны. Вместе с тем применение нормы всегда предполагает обнаружение и закрепление в установленном законом порядке присущих ей признаков. Несмотря на наличие разъяснения Пленума Верховного Суда Россий-

ской Федерации, как показывает практика, должностные лица зачастую отказывают в признании необходимой обороны в случаях имевшей место извинительной ошибки лица в реальности посягательства, то есть там, где ее фактически не было. Такую позицию сложно подвергнуть критике, поскольку, как известно, применению подлежит закон, а не мотивы закона, а также различного рода правовые механизмы, разработанные практикой и наукой уголовного права.

В юридической литературе достаточно давно был поставлен вопрос, правомерно ли реальность (необходимую оборону) приравнивать к тому, чего вообще нет в окружающей действительности, а существует лишь в воображении лица. По справедливому замечанию Ю. И. Ляпунова, сама мысль об этом является нелепой. Если вдуматься в суть формулы правовой оценки мнимой обороны, предложенной Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, легко обнаруживается внутреннее противоречие, рассогласование, содержанием которого является отрыв социального содержания от его юридической формы. Вместе с тем это вопрос принципиальный. Необходимая оборона представляет собой деяние общественно полезное, одобряемое нормами морали и права. В отличие от необходимой обороны мнимая оборона не служит действительной защите охраняемого уголовным законом блага и не является правом на причинение вреда, поскольку она не может выражать подобное право по существу, по своей юридической природе¹.

Уравнивание необходимой и мнимой обороны приводит к абсурдным выводам при разрешении вопросов, связанных с возмещением причиненного ущерба. По своему характеру вред, причиняемый лицу при мнимой обороне, может быть не только физическим, но и зачастую имущественным, и, пожалуй, в каждом случае моральным. Путем логического толкования ст. 37 УК РФ следует признать, что любое причинение имущественного, а равно морального вреда с целью защиты охраняемых законом интересов находится в рамках правомерной необходимой обороны и возмещению не подлежит.

Думается, что в отличие от случаев необходимой обороны при мнимой обороне лицо, сохраняя за собой право на защиту от уголовного преследования за содеянное, обязано возместить тот имуще-

¹ Ляпунов Ю. И. Социалистическая законность и уголовный закон // Советское государство и право. – 1989. – № 2. – С. 63.

ственный и моральный вред, который оно причинило своими действиями потерпевшему. Исключениями в обозначенном правиле должны выступать случаи мнимой обороны, возникшие по причине осознанных действий потерпевшего по инсценировке нападения, а равно допущенной лицом ошибки в характере и степени общественной опасности действительного посягательства. В таких случаях стоимость лечения должна взыскиваться судом с посягавшего лица, а иски потерпевшего о возмещении причиненного ему имущественного и морального вреда не должны удовлетворяться вообще.

Следовательно, нет и не может быть равных правил юридической оценки для случаев мнимой и необходимой обороны, как не могут быть равными их правовые последствия. Поэтому, можно признать правильной позицию тех авторов, которые предлагают уголовно-правовую оценку случаев мнимой обороны давать исключительно по правилам о фактической ошибке, видом которой она собственно является¹. Согласно данному подходу лицо, действовавшее в состоянии мнимой обороны, может, во-первых, не подлежать уголовной ответственности в том случае, когда будет установлено, что оно извинительно заблуждалось относительно реальности посягательства, и, во-вторых, отвечать за неосторожное преступление, если оно не осознавало, но, исходя из обстановки происшествия, должно было и могло осознавать ошибочность своего предположения.

Экстраполяция правил юридической оценки необходимой обороны на случаи мнимой обороны, чем по существу состоялось их фактическое приравнивание, позволила отдельным авторам поставить под сомнение возможность ответственности мнимо обороняющегося за неосторожное преступление. Так, В. А. Якушин, указывает, что распространив правила необходимой обороны на мнимую оборону, нельзя отступать от него и «урезывать» это правило применительно к мнимой обороне. «Действительно, – отмечает он, – не ставим же мы вопрос о неосторожном причинении вреда при необходимой обороне»².

¹ См., например: Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И. Обстоятельства, исключющие общественную опасность деяния. М., 1970. С. 37; Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 211; Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключющие преступность деяния. СПб., 2003. С. 120.

² Якушин В. А. Ошибка по советскому уголовному праву. Казань, 1988. С. 100.

К таким далеко не бесспорным выводам приводит, с одной стороны, не совсем удачное разъяснение по данному вопросу Пленума 1984 года, а с другой – пробельность уголовно-правовой регламентации мнимой обороны. Мнимая оборона является самостоятельным правовым явлением. Поэтому, возможность уголовной ответственности лица за совершение преступления по неосторожности при мнимой обороне не «урезывает» правила оценки мнимой обороны, а выражает сущность данного правового явления.

В целом можно выделить следующие правила квалификации мнимой обороны:

1) Причинение вреда при мнимой обороне не влечет уголовной ответственности в тех случаях, когда сложившаяся обстановка давала лицу достаточные основания полагать, что имело место реальное общественно опасное посягательство, и оно не осознавало, не должно было и не могло осознавать ошибочности своего убеждения.

2) Причинение вреда при мнимой обороне влечет уголовную ответственность за превышение пределов необходимой обороны в тех случаях, когда лицо не осознавало, не должно было и не могло осознавать ошибочности своего убеждения, но при этом умышленно причинило вред, явно не соответствующий характеру и опасности предполагаемого им посягательства.

В целом такие деяния должны рассматриваться, как умышленные, совершенные лицом, добросовестно заблуждавшимся в реальности общественно опасного посягательства, юридически значимого обстоятельства, являющегося конструктивным признаком привилегированного состава преступления.

3) Если в сложившейся обстановке лицо не осознавало, но должно было и могло осознавать ошибочность своего убеждения относительно реальности посягательства, оно подлежит уголовной ответственности за причинение вреда по неосторожности.

Мнимая оборона, которая полностью исключает наступление уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, является не только извинительной, но и характеризуется тем, что лицо своими действиями не превысило пределы защиты, которые были бы допустимы при реальном посягательстве, аналогичном ошибочно воспринятому.

В качестве примера можно привести следующий ранее обсуждавшийся в доктрине уголовного права случай. Милиционер С., проходя ночью мимо Госбанка, услышал, что из помещения доносится жен-

ский крик о помощи. Он подбежал к дверям Госбанка, сделав на бегу предупредительный выстрел вверх. Затем, рванув дверь, которая оказалась незапертой, С. несколько раз крикнул в темноту: «Выходи, стрелять буду!». Никто не ответил. Почти сразу же какой-то человек метнулся из темноты в сторону С., последний выстрелил в него. Этим выстрелом С. тяжело ранил милиционера Е., находившегося на посту на охране Госбанка. Оказалось, что Е. пустил в Госбанк свою знакомую и угощал вином, а когда она стала уходить, Е. потащил ее обратно, в связи с чем она закричала о помощи.

В действиях С., несмотря на тяжесть наступивших последствий, состав преступления отсутствовал. Вся обстановка происшествия давала достаточные основания С. полагать, что совершается особо тяжкое преступное посягательство (налет на Госбанк). Он был уверен, что действует правильно, в соответствии с требованиями закона¹.

Дискуссионным вопросом в доктрине уголовного права является возможность установления превышения пределов необходимой обороны при констатации самой мнимой обороны. Такой подход имеет своих противников. Так, Н. Н. Паше-Озерский высказал точку зрения, что понятия «мнимая оборона» и «превышение пределов необходимой обороны» исключают друг друга. Он считал, что где есть мнимая оборона, нет и не может быть превышения пределов необходимой обороны, поскольку содеянное не может быть квалифицировано по правилам необходимой обороны, а должно оцениваться по правилам о фактической ошибке².

Подобной же точки зрения придерживался и Т. Г. Шавгулидзе, который указывал: «Если не существует состояния необходимой обороны, нет и возможности превышения ее пределов. При мнимой обороне можно говорить только о мнимых пределах мнимой обороны. Но перенесение в реальность мнимых пределов мнимой обороны и уравнивание их с пределами необходимой обороны будет также неправильно, как и уравнивание мнимой обороны с необходимой обороной»³.

Позднее не менее убедительно высказывается по данному вопросу и Э. Ф. Побегайло, который в одной из последних работ обращает внимание на трудности, связанные с доказыванием подобного

¹ Учебно-методические материалы по дисциплине «Уголовное право России (Общая часть)» / сост. Э. Ф. Побегайло и др. М., 1996. С. 113–114.

² Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. С. 100.

³ Шавгулидзе Т. Г. Необходимая оборона. Тбилиси, 1966. С. 153.

рода отношения личности и приходит к выводу, что в подобном случае вообще не следует говорить об ответственности за превышение пределов необходимой обороны, поскольку, как утверждается, правоприменителю предлагается «гадать на кофейной гуще», оценивая не то, что было в действительности, а заниматься рассмотрением всевозможных предположений¹.

Однако же юридическая оценка мнимой обороны по правилам фактической ошибки вовсе не исключает возможной ответственности лица за превышение пределов обороны. Главным тому аргументом выступает правоприменительная практика².

Следует отметить, что в подобных случаях должен ставиться вопрос не о наличии состояния необходимой обороны и допущенном превышении ее пределов, а о фактической ошибке лица в реальности общественно опасного посягательства, обстоятельства юридически значимого, являющегося конструктивным признаком привилегированного состава преступления.

Установление подобного рода превышения пределов необходимой обороны, безусловно, сопряжено с вполне понятными трудностями. Как говорится, чужая душа – потемки. Однако, позволим себе утверждать, что иного выхода у правоприменителя просто нет, если, конечно, не предать забвению принцип субъективного вменения. Психическое отношение мнимо обороняющегося имеет существенные особенности, не учитывать которые просто недопустимо. Как нетрудно заметить, лицо, заблуждаясь в реальности посягательства, при осуществлении защиты не просто не осознает и не предвидит наступления определенных последствий. Напротив, лицо желает причинить вполне конкретный вред, который вместе с тем в его сознании является вынужденной (разрешенной) мерой в достижении цели пресечения посягательства. Таким образом, мнимо обороняющийся не осознает и не предвидит не последствия как таковые, а лишь их общественную опасность. А это в свою очередь не может не накладывать дополнительные условия. Лицо должно не только добросовестно заблуждаться относительно самого факта нападения либо характера и степени его общественной опасности, но и предпринять меры, соответствующие его интенсивности, которая, без-

¹ Побегайло Э. Ф. Пределы необходимой обороны // Российский ежегодник уголовного права. – 2007. – № 2. – С. 244.

² Социалистическая законность. – 1961. – № 11. – С. 89.

условно, объективно является фикцией, но имеет обязательное значение для самого «обороняющегося».

В известном смысле было бы логичным предложить квалифицировать подобные действия мнимо обороняющегося как покушение на превышение пределов необходимой обороны. Одним из общих правил квалификации, получивших в теории уголовного права всеобщее признание, является теоретическое положение, согласно которому преступление, не доведенное до конца по причине фактической ошибки лица в объективных признаках состава преступления, признается покушением на совершение преступления с указанными обстоятельствами, если лицо действовало умышленно. Таким образом, совершение преступления при ошибочном предположении лица о наличии привилегирующих преступление обстоятельств, следовало бы рассматривать как покушение на совершение привилегированного состава преступления.

Однако в теории уголовного права относительно возможности покушения на убийство или причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны нет единодушия. По мнению И. С. Тишкевича, покушение на совершение подобного рода преступлений невозможно из-за особенностей субъективной стороны и самого состояния необходимой обороны¹. Аналогичную точку зрения обосновывал и В. И. Ткаченко².

В свою очередь Н. И. Загородников занимал противоположную позицию по данному вопросу, признавая допустимым покушение на убийство при превышении пределов необходимой обороны, исходя из общего правила о возможности покушения на преступления при прямом умысле³. Следует отметить, что обозначенная точка зрения находила свое подтверждение в материалах правоприменительной практики того времени.

Если опустить известное разъяснение Пленума 1984 года по данному вопросу и попытаться быть юридически точным, то необходимо признать, что мнимо обороняющийся, совершая действия, характер которых свидетельствует о допущенной явной чрезмерности

¹ Тишкевич И. С. Уголовная ответственность за превышение пределов необходимой обороны // Советская юстиция. – 1967. – № 13. – С. 19.

² Ткаченко В. И. Ответственность за превышение пределов необходимой обороны // Социалистическая законность. – 1977. – № 10. – С. 61.

³ Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 202.

примененного насилия в сравнении с интенсивностью предполагаемого им посягательства, совершить оконченное преступление, предусмотренное ст.ст. 108, 114 УК РФ не может, поскольку объективно отсутствует конструктивный привилегирующий признак данных составов преступлений, а именно реальное общественно опасное посягательство. Принимая во внимание, что квалификация содеянного, согласно общим нормам, то есть по ст.ст. 105, 111 УК РФ, противоречит принципу субъективного вменения, самым естественным шагом было бы признать в действиях мнимо обороняющегося именно покушение на совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 108, 114 УК РФ.

Однако при подобном решении усматривается явное противоречие между юридической точностью и чувством справедливости. Эксцесс необходимой обороны – деяние, бесспорно, общественно опасное, чем и обусловлена установленная за него уголовная ответственность при наступлении определенного рода последствий. Вместе с тем все же следует признать, что подобные действия лица связаны с отражением реального посягательства, то есть изначально объективно направлены на защиту конкретного социально значимого блага. Именно этим, в социальном смысле положительным значением, собственно, и продиктована логика законодательной регламентации данных специальных норм.

С другой стороны, мнимая оборона, зачастую связанная с причинением вреда ни в чем неповинным лицам, внутренне присущим свойством которой при любых обстоятельствах выступает ярко выраженная общественная опасность, обусловившая к тому же умышленные действия лица, направленные на причинение еще большего, явно чрезмерного вреда в сравнении с интенсивностью даже предполагаемого, «мыслимого» нападения. При всей кажущейся юридической правильности, пожалуй, представляется очевидной вся сомнительность квалификации содеянного как покушения, срок и размер наказания за которое по правилам назначения наказания за неоконченное преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания за оконченное преступление (ч. 3 ст. 66 УК РФ). Поэтому следует все же отказаться от такого пути решения вопроса о возможности установления превышения пределов необходимой обороны при констатации мнимой обороны.

Установив ответственность как за превышение пределов необходимой обороны, Пленум Верховного Суда, безусловно, допустил аналогию уголовного закона, о чем справедливо писали в юридической литературе¹. Принимая во внимание формально-юридическое несовершенство данного решения, следует все же признать его правильность.

К тому же обозначенная выше аналогия не является неразрешимой проблемой. В данной связи наиболее обоснованной представляется точка зрения, высказанная Ю. И. Ляпуновым, который, в целом соглашаясь с теми специалистами, которые предлагают мнимую оборону рассматривать по правилам о фактической ошибке, относительно возможного превышения пределов защиты в указанных ситуациях все же поддержал позицию Пленума, вместе с тем указав на необходимость самостоятельной законодательной регламентации подобного правила в целях недопущения аналогии уголовного закона. Примечательно, сам Ю. И. Ляпунов все же констатировал, что указанное правило оценки превышения пределов при мнимой обороне основано на определенного рода юридической фикции, которую автор, судя по всему, считал вынужденной необходимостью².

Фикция есть намеренно созданное измышленное положение, построение, не соответствующее действительности и обычно используемое с какой-нибудь определенной целью³. Представляется, целью разработанного в науке уголовного права и судебной практике правила оценки превышения пределов при мнимой обороне выступает вынесение единственно возможного справедливого решения по делу, которое не только отвечало бы фактическим результатам содеянного, но и находилось бы в согласии с особенностями субъективного отношения личности. Подобный юридический прием, противоречащий конкретной естественной реальности, в случае мнимой обороны используется для достижения вполне конкретных юридических последствий, а именно гарантирует такое положение, когда человек отвечает не только за то, что своими действиями причинил вред, а именно за те поступки, которые явились итогами его собственной воли и сознания. Однако есть объективная необ-

¹ Побегайло Э. Ф. Пределы необходимой обороны // Российский ежегодник уголовного права. – 2007. – № 2. – С. 244.

² Ляпунов Ю. И. Социалистическая законность и уголовный закон // Советское государство и право. – 1989. – № 2. – С. 63.

³ Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2001. С. 744.

ходимость в самостоятельной законодательной регламентации подобного правила юридической оценки действий мнимо обороняющегося.

И наконец, представляется важным обратить внимание на следующие проблемы, связанные с юридической оценкой действий сотрудников полиции, осуществляющих должностные полномочия в условиях мнимой обороны. В доктрине уголовного права справедливо указывается, что очень сложно отличить необходимую оборону от мнимой, и к тому же практически невозможно разграничить ситуации, когда обороняющийся мог и должен был осознавать свое заблуждение, а когда нет¹. В данном аспекте самого пристального внимания заслуживают так называемые логико-методологические основы квалификации, которые в науке уголовного права уже получили свое всестороннее исследование².

Разумеется, установление мнимой обороны связано с определением несоответствующего действительности знания, то есть ошибки. Вместе с тем ошибка как мысль человека, которая не равна истине, являет собой категорию в высшей степени субъективную, что и порождает известные затруднения на практике. Столь тесная связь ошибки, составляющей суть и содержание мнимой обороны, с внутренним миром личности заставляет совершенно обоснованно поставить вопрос о возможности ее установления мерами процессуальными и криминалистическими. Очевидно, что при отрицательном ответе на данный вопрос, есть все основания утверждать о невозможности законодательного определения мнимой обороны, поскольку тем самым будет создана защита от уголовного преследования, объективная проверка которой будет принципиально невозможна.

Представляется, что в качестве фундаментального основания квалификации случаев мнимой обороны должен выступить диалектический метод познания, предполагающий всестороннее рассмотрение любого явления. Юридическая оценка мнимой обороны не может быть определена свойствами лишь наступивших общественно опасных последствий или на основе возникшего субъективного убеждения личности. Согласиться с первой точкой зрения нельзя, поскольку в таком случае создается возможность объективного вменения. Вместе с тем также совершенно неоправданно принимать во внимание

¹ Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001. С. 283.

² См., например: Наумов А. В., Новиченко А. С. Законы логики при квалификации преступлений. М., 1978.

только свойства задуманного и требовать правовой оценки, исключительно исходя из анализа имевшего место субъективного отношения личности, поскольку такое решение может часто быть в противоречии не только с принципом справедливости, но и со здравым смыслом. Несомненно, что правоприменителю необходимы объективные основания для оценки мнимой обороны, так сказать внешний инструмент для критики, который при этом находился бы в согласии с принципом субъективного вменения.

Единственно возможным мерилom юридической оценки случаев мнимой обороны все же должна выступать сама личность мнимо обороняющегося. При этом сказанное отнюдь не означает, что любое суждение лица надлежит признавать истинным, в таком случае правовая оценка была бы сведена к простой фиксации ее субъективных переживаний. Напротив, каждое заявленное лицом суждение в свою защиту должно быть подвергнуто всесторонней проверке. В данном аспекте именно личность мнимо обороняющегося, сочетающая в себе совокупность индивидуальных качеств, должна послужить орудием ее проведения. Задачей наивысшей важности является выяснение реального отражения в сознании лица объективной действительности, лишенного всего того, что могло быть умышленно привнесено с той целью, чтобы уклониться от заслуженной ответственности. Злая воля, если таковая имелась, обнаружится именно в противоречии предложенного лицом в ходе допроса образа происшедшего события и тем образом, который беспристрастно составит правоприменитель через призму субъективности личности. Подобного рода исследование позволит правоприменителю составить мнение относительно вероятности наличия умысла, когда факт сознания лицом конкретных фактических обстоятельств будет очевиден, либо будет установлен факт возможности такого сознания для констатации имевшей место неосторожности.

Обращаясь к необходимости установления мельчайших особенностей психического отношения личности, следует отметить, что, несмотря на трудности, связанные с ее определением на практике, вряд ли будет правильным утверждать об их непреодолимом характере. В основу подобного рода рассуждений положено следующее. Прежде всего, одним из главных положений является признание того, что психические процессы вторичны, производны от явлений внешнего мира. Поэтому всякий волевой акт личности характеризуется сложным психологическим процессом, существенной частью которого яв-

ляется динамическое отражение объективной действительности. Именно совокупность внешних обстоятельств, воздействующих на человека, ключевым образом определяет его поведение. Поэтому следует признать, что, несмотря на многочисленные индивидуальные особенности отдельного лица, всякий сознательный волевой акт имеет свои исключительно внешние причины, свое объективное объяснение.

Правовая оценка случаев мнимой обороны не лишена этой объективной основы. Утверждение лица о восприятии конкретных событий определенным образом должно иметь под собой разумные основания. При мнимой обороне к объективным сведениям может относиться не только информация о действиях лица, причинившего вред, но и о поведении самого потерпевшего, особенностях обстановки происшествия и т. д. К ним также принадлежит информация об особенностях здоровья лица, которая может быть получена путем ознакомления с различного рода медицинской документацией.

В теории уголовного права была высказана точка зрения, что констатация мнимой обороны возможна лишь при том условии, что будут установлены конкретные действия, которые были предприняты потерпевшим именно с той целью, чтобы создать видимость общественно опасного посягательства (например, лицо, желая подшутить над товарищем, устраивает засаду и инсценирует разбойное нападение). Как представляется, мнимая оборона может иметь место и в том случае, когда сам потерпевший вообще не направлял каких-либо усилий на то, чтобы создать условия для подобного рода ошибки.

В обязательном порядке необходимо учитывать время суток, в которое был причинен вред, а также возраст самого мнимого обороняющегося. Как известно, время суток существенно влияет на эмоциональное состояние человека. В ночное время у человека зачастую возникает преувеличенное чувство страха, наблюдается иллюзия восприятия пространственных и временных форм. Подобное обуславливает неверный прогноз развития ситуации, снижение контроля за собственными действиями.

При определении состояния мнимой обороны представляется крайне важным выяснение сведений о наличии специальных познаний у мнимого обороняющегося. В отличие от необходимой обороны при мнимой обороне не могут быть установлены равные требования ко всем лицам. Наличие специальных познаний у определенных лиц накладывает на них дополнительную, более широкую ответствен-

ность в случае совершения ошибки. В частности, сотрудники полиции в силу специфики деятельности имеют специальные познания в области устройства и работы различных видов огнестрельного оружия. В тех случаях, когда им угрожают, допустим, грубо изготовленным макетом, в отличие от остальных граждан, в случае ошибки к ним могут быть предъявлены более жесткие требования, поскольку они обладают объемом специальных знаний, чтобы разобраться в сложившейся ситуации.

При оценке поведения мнимо обороняющегося следует учитывать и его возраст. Как известно, с возрастом уменьшается переключаемость внимания и увеличиваются эмоциональные расстройства в форме тревожно-депрессивных состояний. Указанные факторы снижают способность правильно оценивать ситуацию и увеличивают вероятность ошибок в принятии решения.

Безусловно, одни и те же факторы могут оказывать совершенно противоположное психологическое воздействие на человека. Более того, один и тот же человек в одних и тех же ситуациях, но в разное время может вести себя по-разному. Причина этого в решающей роли личностных, индивидуальных особенностей. Поэтому без психологического исследования невозможно ответить, как та или иная ситуация, тот или иной фактор воздействуют, с какой силой, какая реакция может возникнуть у человека. Думается, что для правильного разрешения случаев мнимой обороны необходимо использовать специальные познания в области психологии путем привлечения к уголовному делу в качестве специалиста психолога (ст. 58 УПК РФ) либо назначения судебно-психологической экспертизы (в порядке ст. 195 УПК РФ). Судебно-психологическая экспертиза в данном случае может решить ряд важных задач. Прежде всего, дать характеристику психологических составляющих возникшей ситуации и ее влияния на возможное поведение. Раскрыть психологический механизм принятия решения в конкретной обстановке. Определить, осознавало ли лицо возможность причинения равного или большего вреда.

Другим суждением, в известном смысле не вызывающим сомнений, является утверждение, что мышление человека, выступая как специфическое отражение объективной реальности в сознании, протекает не хаотично, а закономерно. В законах формальной логики выражены существенные, устойчивые и необходимые черты внутренней структуры мыслительного процесса. Обладая характером всеобщности в сфере мышления, обозначенные законы являются обяза-

тельными с точки зрения их соблюдения на любом уровне познавательного процесса. Выделение в науке обозначенных законов позволяет утверждать, что, обладая определенным объемом информации при прочих равных условиях, лица приходят к вполне конкретным заключениям, которыми они и руководствуются в своей деятельности.

Таким образом, следует признать, что объективное установление обстоятельств происшедшего события при мнимой обороне все-таки возможно. Основываясь на фундаментальных законах, определяющих механизм человеческого мышления, правоприменитель может составить суждение о возможности допущенной ошибки, объекте имевшего место заблуждения и его характере.

Следует, безусловно, согласиться с тем обстоятельством, что подобного рода юридическая оценка не лишена доли субъективности, которая состоит в самостоятельном выборе правоприменителем путей обоснования, интерпретации установленных по делу фактов. Однако в данном случае нет оснований сравнивать правовую оценку содеянного с произволом, поскольку правоприменитель в равной мере связан объективно установленными фактами по делу и законами формальной логики, на основании которых он и обязан выводить свои заключения.

Следует особо отметить, что в тех случаях, когда правоприменитель не может с полной уверенностью установить факт имевшего место заблуждения лица, однако имеются веские основания для предположения о возможном существовании последнего, как представляется, решение должно быть принято в порядке конституционного правила о сомнениях (ст. 49 Конституции Российской Федерации).

Применение уголовно-правовой нормы о мнимой обороне принципиально не связано с возбуждением уголовного дела. С теоретической точки зрения, в большинстве случаев актом применения данной нормы должно выступать постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Вместе с тем необходимо трезво оценивать ситуацию, учитывая современные реалии правоприменительной практики. Так, нельзя игнорировать тот факт, что в настоящее время на стадии до возбуждения уголовного дела уголовно-процессуальный закон существенно ограничивает полномочия лица, производящего предварительное расследование, в части установления круга обстоятельств, изучение которых необходимо для принятия решения. В частности, только в рамках возбужденного уголовного дела может быть прове-

дена экспертиза, и получено заключение эксперта, например, о тяжести причиненного вреда здоровью потерпевшего.

Следовательно, есть веские основания полагать, что при рассмотрении подобного рода случаев зачастую правоприменитель будет принимать решение о возбуждении уголовного дела со всеми вытекающими отсюда последствиями (придание лицу статуса подозреваемого, принятие решения об избрании меры пресечения и т. д.). Вместе с тем подобная ситуация вовсе не свидетельствует, что возникшие регулятивные отношения будут преобразованы в охранительные уголовно-правовые отношения, юридическим фактом возникновения которых является совершение преступления. Очевидно, что ошибочная квалификация совершенного деяния, как содержащего состав преступления, не может вызывать подобные преобразования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Относительно негативная правоприменительная практика по делам о необходимой обороне, прежде всего, связана с сохранившейся в правоохранительных органах тенденцией «работать на показатель», порождающей обвинительный уклон. Задача «не затянуть со сроками» и «направить на прежнем уровне» для получения положительной отчетности, от которой зависят премии и продвижение по службе, становится главной, более важной, чем выполнение профессионального долга. При этом распространенный на практике формализм, предельно поверхностный подход к делу, стремление «вложиться» в сроки все же нельзя объяснить произволом отдельных должностных лиц. Сложившаяся ситуация имеет всеобщий характер и связана с несовершенной системой оценки деятельности органов внутренних дел и предварительного расследования.

Установление факта необходимой обороны зачастую требует от правоприменителя не только высокого профессионализма, но и в высшей степени скрупулезного исследования обстоятельств дела, невзирая на время и силы, которые понадобятся для достижения истины. Представляется маловероятным, что следователь (дознатель) будет усердствовать в установлении необходимой обороны, чтобы тем самым засвидетельствовать результат своей «неудовлетворительной» работы.

С другой стороны, следует признать, что негативная правоприменительная практика по делам о необходимой обороне связана и с глубочайшим рассогласованием уголовного закона с уголовно-процессуальным законом. При этом, что называется, «форма стала довлеть над содержанием».

Действующий УПК РФ, воспринявший многие либеральные идеи в части защиты прав участников уголовного судопроизводства, не устанавливает каких-либо особых процедур юридической оценки правомерного поведения лица, связанного с причинением вреда объекту уголовно-правовой охраны в рамках того или иного обстоятельства, исключающего преступность деяния. Если обратиться к содержанию процессуального закона, то можно легко прийти к выводу, что порядок, фактически, можно осуществить только один – предварительное расследование по возбужденному уголовному делу. В соответствии со ст. 73 УПК РФ, обстоятельства, исключающие преступность деяния, подлежат обязательному доказыванию при производ-

стве по уголовному делу. С формально-юридической точки зрения при проверке поступившего сообщения о преступлении в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ, следователь (дознаватель) может прийти к выводу о наличии в действиях лица необходимой обороны и принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Вместе с тем нужно трезво оценивать реальные условия, в которых оказывается правоприменитель. В довольно сжатые сроки, которые отводятся для принятия решения о возбуждении уголовного дела по ставшему известным факту причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны, следователь (дознаватель) просто не может разобратся в происшедшем событии. Поэтому, как показывает практика, в абсолютном большинстве случаев, формально установив характер наступивших последствий, должностное лицо органа предварительного расследования принимает решение о возбуждении уголовного дела. Кроме того, следователь (дознаватель) до возбуждения уголовного дела в принципе не может осуществить надлежащую проверку, поскольку не имеет возможности по проведению большинства следственных действий. Безусловно, сложно поставить под сомнение установленные УПК РФ предельно краткие сроки рассмотрения сообщения о преступлении, а равно возможность должностных лиц проводить большинство следственных действий только по возбужденному уголовному делу. Обеспечение прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальные отношения, того требует. Однако как объяснить и оправдать то, что лицо, реализовавшее законное право на защиту, в лучшем случае получит юридическую оценку своих действий лишь в постановлении о прекращении уголовного дела, или преследования, или оправдательном приговоре.

На наш взгляд, преодоление сложившегося положения, прежде всего, связано с изменением системы оценки деятельности органов предварительного расследования. Установление в действиях лица необходимой обороны и принятие решения о прекращении в отношении него уголовного дела /преследования/ за отсутствием в деянии состава преступления, ни при каких условиях не должно рассматриваться как результат неудовлетворительной работы следователя (дознавателя).

Кроме того, в рамках уголовно-процессуального законодательства следовало бы разработать порядок, позволяющий следственным путем проводить проверку не только по делам, связанным с необходимой обороной, но и с иными обстоятельствами, исключаящими пре-

ступность деяния. Главная идея состоит в том, чтобы при наличии соответствующих фактических данных, свидетельствующих о возможном наличии в действиях лица необходимой обороны, органы предварительного расследования были изначально ориентированы на проверку этой версии и только после признания ее неподтвердившейся решали вопрос о возбуждении уголовного дела.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные акты

Конституция Российской Федерации // СПС «Консультант-Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 19.04.18).

Постановление № 19 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 11.

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 26.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 20.05.2018).

Монографии, учебники, учебные пособия

Арямов А. А. Правомерное причинение вреда / А. А. Арямов. – Челябинск : Издательство Т. Лурье, 2004. – 340 с.

Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / Ю. В. Баулин. – Харьков: Основа, 1991. – 360 с.

Белинский В. Г. Избранные философские произведения. В двух томах / В. Г. Белинский. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1948. – 1240 с.

Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части / Л. С. Белогриц-Котляревский. – Киев : Южно-рус. кн-во Ф.А. Иогансона, 1880. – 683 с.

Блинников В. А. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, в уголовном праве России / В. А. Блинников. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2001. – 235 с.

Волженкин Б. В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.) / Б. В. Волженкин. – СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 971 с.

Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. – М. : АО «Центр ЮрИнформ», 2005. – 457 с.

Дмитренко А. П. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, в уголовном праве Российской Федерации / А. П. Дмитренко. – М. : Илекса, 2010. – 344 с.

Дорогин Д. А. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность / Д. А. Дорогин. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 624 с.

Кадников Н. Г. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / Н. Г. Кадников. – М. : Бизнес Ченел интернешнл Лтд, 1998. – 48 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. С. В. Дьякова и Н. Г. Кадникова. – М. : Юриспруденция, 2013. – 912 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. – М. : Проспект, 2010. – 1392 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. – 4-е изд. – М. : Проспект, 2012. – 544 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). – 13-е изд., перераб и доп. / отв. ред. В. М. Лебедев. – М. : Юрайт, 2013. – 1069 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. – М. : Проспект, 2014. – 960 с.

Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 352 с.

Курбанов Г. С. Обстоятельства, устраняющие общественную опасность и противоправность деяния / Г. С. Курбанов. – Баку : Гянджлик, 1991. – 121 с.

Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений: учебное пособие / Б. А. Куринов. – М. : Издательство Московского университета, 1984. – 181 с.

Курс русского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М. : Спарк, 2001. – 767 с.

Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1 / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1968. – 648 с.

Курс советского уголовного права: преступление. В 6 т. Т. 2 / А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чхиквадзе. – М. : Наука, 1970. – 516 с.

Мордовина А. А. Осуществление законного права как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: лекция / А. А. Мордовина. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2003. – 56 с.

Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд., перераб и доп. / А. В. Наумов. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 736 с.

Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В. В. Орехов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 217 с.

Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости / С. В. Пархоменко. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 267 с.

Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении: избранные лекции / Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 280 с.

Сидоренко Э. Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования / Э. Л. Сидоренко. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 496 с.

Слуцкий И. И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность / И. И. Слуцкий; отв. ред. М. Д. Шаргородский. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1956. – 118 с.

Шаргородский М. Д. Избранные труды / сост. и предисловие д-ра юрид. наук, проф. Б. В. Волженкина. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 657 с.

Энциклопедия уголовного права. Т. 7. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. – СПб., 2007. – 723 с.

Якушин В. А. Ошибка по советскому уголовному праву / В. А. Якушин. – Казань : Издательство Казанского университета, 1988. – 128 с.

Якушин В. А., Габидуллин М. С. Пределы субъективного вменения в уголовном праве / В. А. Якушин, М. С. Габидуллин. – Ульяновск : Издательство Ульяновского университета, 1997. – 50 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Алиев З. Г. Ошибка как особое обстоятельство оценки поведения субъекта преступления и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук / З. Г. Алиев. – Сургут, 2007. – 213 с.

Вельтмандер А. Т. Ситуация обстоятельства, исключающего преступность деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Т. Вельтмандер. – Томск, 2013. – 23 с.

Дмитренко А. П. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук / А. П. Дмитренко. – М., 2010. – 522 с.

Дорогин Д. А. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. А. Дорогин. – М., 2013. – 26 с.

Ленчина Н. А. Обстоятельства, устраняющие противоправность деяния, в немецком уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Ленчина. – М., 2010. – 27 с.

Медведева С. В. Теоретические основания юридических фактов, исключаящих правовую ответственность личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Медведева. – Тамбов, 2005. – 30 с.

Мордовина А. А. Осуществление законного права как обстоятельство, исключаящее преступность деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Мордовина. – Ставрополь, 2005. – 22 с.

Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости : дис. ... д-ра юрид. наук / С. В. Пархоменко. – Иркутск, 2004. – 339 с.

Русскевич Е. А. Мнимая оборона в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Русскевич. – М., 2010. – 197 с.

Фаткуллина М. Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве: проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук / М. Б. Фаткуллина. – Екатеринбург, 2001. – 199 с.

Цыганков А. Ю. Уголовно-правовая характеристика деяний, причиняющих вред при исполнении закона : дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Цыганков. – М., 2011. – 188 с.

Статьи

Вельтмандер А. Т. Методологические основы изучения обстоятельств, исключаящих преступность деяния / А. Т. Вельтмандер // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 347. – С. 97–99.

Вельтмандер А. Т. Межотраслевая основа обстоятельств, исключаящих преступность деяния / А. Т. Вельтмандер // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 355. – С. 88–90.

Дорогин Д. А. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность, как инструмент уголовной политики / Д. А. Дорогин // Российское право онлайн. – 2017. – № 1. – С. 19–27.

Кожевников В. В. Виды правомерного поведения / В. В. Кожевников // Юрист. – 2005. – № 5. – С. 7–11.

Михайлов В. И. Выполнение профессиональных функций как обстоятельство, исключающее преступность деяния / В. И. Михайлов // Уголовное право. – 2002. – № 2. – С. 51–54.

Пархоменко С. В. Юридическая характеристика нормативной основы деяний, преступность которых исключается / С. В. Пархоменко // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 1 (60). – С. 74–81.

Попов К. И. Правовая природа обстоятельств правомерного причинения вреда / К. И. Попов // Российский следователь. – 2010. – № 5. – С. 12–15.

Русскевич Е. А. Квалификация причинения вреда при мнимой обороне / Е. А. Русскевич // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2009. – № 3. – С. 127–131.

Другие источники

Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/news-86326>.

Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации // URL: <http://www.sledcom.ru/news/405925.html>.

Учебное пособие

Борисов Сергей Викторович,
доктор юридических наук, доцент;
Дайшутов Михаил Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент;
Дмитренко Андрей Петрович,
доктор юридических наук, профессор;
Рускевич Евгений Александрович,
кандидат юридических наук

**Условия и пределы правомерности
необходимой обороны: проблемы теории и практики**

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Редактор *Лосева О. С.*
Компьютерная верстка *Лосевой О. С.*

Подписано в печать 01.10.2018 г.	Формат 60×84 1/16	Тираж 54 экз.
Заказ № 1732	Цена договорная	Объем 4,62 уч.-изд. л. 5,17 усл. печ. л.
